

Последний Пламень

Anasatose A.

Anasatose Arkal

Последний Пламень

«Автор»

2026

Arkal A.

Последний Пламень / А. Arkal — «Автор», 2026

В мире Эларион, где магия исчезает из-за зловещих Кристаллов Поглощения короля Риза, живёт Миатери. Девушка, скрывавшая свой магический дар, теряет отца от рук палачей и решает бороться открыто. После побега из темницы с опальным капитаном Дорханом она находит союзников среди изгоев и разбойников, превращая их в движение «Поток». Их цель — не война, а исцеление земли. Миатери ждут битвы, древние артефакты и испытание дружбой, чтобы понять: истинная сила — в спасении, а не в разрушении.

© Arkal A., 2026

© Автор, 2026

Anasatose Arkal

Последний Пламень

В мире Эларион магия была повсюду – в шелесте листвы, в пении ручьёв, в мерцании звёзд. Она текла по жилам земли, словно кровь, оживляя всё сущее. Но теперь этот мир медленно угасал.

Король Риз, восседая на троне из чёрного обсидиана, развернул беспощадную охоту. Его алхимики создали Кристаллы Поглощения – зловещие артефакты, высасывающие магическую сущность из живых существ. Чародеи исчезали в подземельях королевского замка, а вместе с ними таяла и сама магия. Небо стало бледнее, реки текли медленнее, деревья теряли яркость листвы.

У подножия ледяных гор Альюс приютилось скромное село Гордич. Здесь, в домике под соломенной крышей, жила девушка по имени Миатери. С детства она знала: её дар нужно скрывать. Когда она касалась травы, она росла быстрее; когда злилась, ветер поднимал пыль у её ног; в грозу она чувствовала, как молнии ищут с ней связь.

Каждый день приносил новые испытания. Королевские стражники в красных плащах появлялись без предупреждения. Они забирали зерно «на нужды короны», ломали двери в поисках «колдовских предметов», избивали тех, кто смел возражать. Миатери молча наблюдала, сжимая кулаки, пока внутри разрасталась буря.

По ночам она уходила в заброшенную овчарню. Там, при свете луны, она училась управлять силой. Выводила руны на бересте, пробовала плести защитные щиты, шептала заклинания, которым её, когда-то научил дед. «Магия – это дыхание мира, – говорил старик. – Тот, кто умеет слушать, услышит её песню».

Однажды, вернувшись с заготовки дров, Миатери замерла на пороге родного дома. Отец лежал на земляном полу, лицо застыло в безмолвном крике. На груди алый отпечаток королевской печати – знак «магического преступления». В кармане отца Миатери нашла скомканный листок:

«Ты следующая. Беги».

Мир рухнул. Горе сдавило грудь, но вслед за ним пришла ярость – горячая, ослепляющая. Миатери опустилась на колени, провела пальцами по холодеющей руке отца и прошептала:

– Если магия умирает из-за Риза, я заставлю его заплатить. Даже если придётся стать той, кого он боится больше всего.

Решив действовать, Миатери выбрала караван стражников, перевозивший Кристаллы Поглощения. Она дождалась, когда обоз въедет в узкое ущелье, и выпустила силу.

Ветер взвыл, поднимая вихрь пыли. Корни вырвались из земли, опутывая ноги лошадей. Стражники кричали, размахивая мечами, но Миатери уже была среди них. Её кулак, окутанный голубым пламенем, разбил шлем капитана. На мгновение показалось, что победа близка.

Но из-за холмов вышли они – Охотники за магами. В чёрных доспехах, с мечами, закалёнными в крови чародеев. Их оружие блокировало заклинания. Миатери схватили, надели цепи безмолвия – металл, гасящий магию, – и бросили в подземелье замка Риза.

Камера была сырой и тёмной. Каменные стены покрывал мох, а в углу журчала сточная канава. Ледяные звенья цепей впивались в запястья, высасывая последние капли тепла и силы. Миатери закрыла глаза, пытаясь хоть как-то заглушить горечь поражения. И в этой давящей тишине, сквозь шелест воды и скрежет засовов, донёсся шёпот.

– На, лови. И не мешкай.

Тёмная металлическая полоска, холодная и точёная, упала ей на колени. Подняв голову, Миатери успела разглядеть лишь спину в чёрных доспехах, растворяющуюся в сумраке коридора. Охотник. Тот, что смотрел на неё без ненависти, лишь с усталой тяжестью во взгляде.

Сердце заколотилось в груди, отгоняя оцепенение. Дрожащими, онемевшими пальцами она подхватила отмычку. Металл тихо щёлкнул, тяжёлые цепи безмолвия с грохотом рухнули на каменный пол. Свобода обожгла, как глоток крепкого вина. Прижавшись спиной к шершавой стене, Миатери скользнула тенью вдоль коридора, выискивая путь на волю.

– Девушка.

Голос был низким, обветренным, как скалы в её родных горах. Из-за решётки соседней камеры на неё смотрел седой воин. Его лицо было изрезано шрамами, а в глазах горел тот же огонь, что и у неё.

– Выпусти меня.

Миатери замедлила шаг. Это могла быть ловушка. Но в его взгляде читалась та же ярость, та же жажда справедливости.

– Почему ты здесь? – выдохнула она.

– Я был капитаном его стражи, пока не отказался казнить невинных чародеев. Имя мне Дорхан.

Решение нужно было принимать мгновенно. Кивнув, она вставила отмычку в скважину ржавого замка. Металл поддался с трудом, скрипя и цепляясь. Ещё одно усилие – и щель между решёткой и косяком стала чуть шире. И в этот миг отмычка с сухим хрустом переломилась пополам, оставив в замке свой обломок.

Миатери отшатнулась, сердце упало. Но Дорхан не дрогнул.

– Прочь с дороги!

Он сделал шаг назад, а затем, собрав всю свою мощь, с размаху ударил плечом в решётку. Раздался оглушительный лязг рвущегося металла – замок не выдержал, вырвавшись из стены вместе с ключьями древнего камня.

Эхо ещё не успело затихнуть, как из дальнего конца коридора донёсся тревожный крик: «Подъём! Побег!»

Сильная, как стальная клешня, рука Дорхана схватила её за запястье.

– Не к выходу, это самоубийство! За мной!

И он потащил её вглубь подземелья, в самую густую тьму, прочь от нарастающего грома стражничьих сапог.

Они мчались по лабиринту сырых коридоров, оставляя за спиной нарастающий гул погони. Горящие факелы, бряцание доспехов, резкие команды – всё это сжималось в единый ком опасности у них за спиной. Сердце Миатери бешено колотилось, ноги горели, а в ушах стоял звон.

И вдруг – тупик. Глухая каменная стена, сложенная из грубых, потрескавшихся блоков, преградила им путь. Ни щелей, ни дверей, только сырость, мох и отчаяние, пахнущее плесенью.

–Нет! – вырвалось у Миатери. Ярость, чёрная и беспомощная, захлестнула её. Она в отчаянии ударила кулаком по холодному камню.

—Мы бежим как крысы, и всё ради этого? Ради того, чтобы упереться в могильную плиту? Этот старый дурак завёл нас в ловушку!

Она обернулась, готовая излить на спутника всю накопленную боль и страх. Но вместо растерянности или гнева на лице Дорхана она увидела... спокойную, почти что отеческую улыбку. Его глаза, привыкшие к боям и предательствам, поблёскивали в полумраке.

–Молодой гнев – плохой советчик в старых стенах, дитя, – тихо произнёс он, и его палец ткнул в один из камней, ничем не отличавшийся от других. – Замок Риза стар, а его память хранит больше секретов, чем он сам.

Он надавил на выступ, потом, бормоча что-то себе под нос, повернул соседний камень, словно ключ в скважине. Раздался глухой, скрежещающий звук, будто проснулся древний механизм, дремавший здесь веками. Часть стены бесшумно отъехала внутрь, открыв свод абсолютной, непроглядной тьмы. Оттуда пахнуло воздухом вековой пыли, влажным камнем и чем-то ещё – древним и забытым.

–Придётся довериться старику и его памяти, – сказал Дорхан, шагая вперёд и протягивая ей руку. – Эта дорога ведёт дальше, чем королевская стража может себе представить.

Плотная тьма обволакивала их, словно чёрная вата. Не было видно ни собственной руки, ни спутника, ни стен. Только звук собственного дыхания и подошв, шаркающих по пыльному камню. Воздух стоял спёртый и мёртвый.

–Зажги пламя, ни черта не видно! – раздражённо бросил Дорхан, и его голос, приглушённый теснотой пространства, прозвучал особенно громко.

Миатери замерла. Неужели он не понимает?

– В темнице вся магия подавляется Кристаллами Поглощения. Я не могу... – начала она, но Дорхан мягко прервал её.

Его голос прозвучал спокойно и уверенно, и в нём слышалась та самая улыбка, которую она угадала в темноте.

—А мы уже и не в темнице.

Эти слова повисли в воздухе, наполненные новым смыслом. Миатери замерла, прислушиваясь к себе. И правда – та давящая, высасывающая пустота, что сковывала её разум в камере, исчезла. На её месте была... тишина. Обычная тишина, без постороннего вмешательства. И сквозь неё, как первый росток сквозь толщу земли, начала пробиваться знакомая, живительная вибрация.

Она зажмурилась, вытянула руку вперёд и сосредоточилась. Не на ярости, не на боли, а на простом воспоминании – о тепле очага в родном доме, о свете лучины в овчарне, о доброте, которую она пыталась сохранить в своём сердце.

На её ладони, с лёгким потрескиванием, вспыхнул и затанцевал робкий язычок пламени. Свет был неярким, он отбрасывал на стены гигантские, пляшущие тени, в этой крошечной тьме он был подобен восходу солнца.

В его свете она увидела лицо Дорхана. Старый воин смотрел на её магию не со страхом или отвращением, а с тихим, почти отеческим одобрением.

– Вот и хорошо, – сказал он. – Значит, мир ещё дышит. Идём, Пламя. Покажи нам дорогу.

Чем дальше они уходили от тюремных казематов, углубляясь вглубь горы, тем ярче разгорался огонёк на ладони Миатери. Из робкого искрящегося огонька он превратился в ровный, уверенный шар света, отбрасывающий длинные, пляшущие тени на стены древнего тоннеля. Воздух стал другим – в нём ощущалась тягучая прохлада подземелья, но исчезла та мертвящая

хватка, что душила волю и магию. Казалось, самая земля здесь, вдали от Кристаллов Поглощения, вздохнула свободнее.

После трёхсот шагов, отмеренных в напряжённой тишине, Дорхан нарушил молчание. Его голос, глухой в тесноте коридора, прозвучал не как допрос, а как попытка понять.

– Расскажи, дитя. Кто ты? И что такого совершил Риз, что сама земля, кажется, шепчет твоё имя?

Миатери молчала ещё несколько мгновений, глядя на пляшущее пламя. Оно было частью её, отражением той бури, что бушевала внутри.

– Я никто, – наконец выдохнула она. – Дочь лесника из Гордича. Той, что у подножия Альяс. В её голосе зазвучала старая, незаживающая боль. – А Риз... Он забрал у меня всё. Сперва – покой, заставляя прятать свой дар. Потом – еду и безопасность, когда его стражники терроризировали наше село. А затем... – Она замолчала, сглотнув ком в горле. Свет на её ладони дрогнул, на мгновение померк. – ...а затем он забрал у меня отца. Обвинил в колдовстве. Оставил на полу нашей хижины с королевской печатью на груди.

Она повернулась к Дорхану, и в её глазах, отражавших магический огонь, пылала не детская ярость.

– Он не просто убил его. Он пытался убить сам мир. И я поклялась, что заставлю его ответить за это. Даже если для этого мне придётся стать... тем, чего он больше всего боится.

Она не сказала «монстром». Но это слово повисло в воздухе между ними, тяжёлое и неизбежное.

Дорхан ничего на это не ответил. Не словом, не вздохом. Он лишь внимательно, пристально посмотрел на неё – взглядом человека, видевшего слишком много юных жизней, искалеченных одной и той же старой ненавистью. Затем он молча развернулся и пошёл дальше, его могучая фигура поглощалась мраком тоннеля, и Миатери ничего не оставалось, как последовать за ним, чувствуя, как её откровение повисло в воздухе без ответа.

Вскоре стены неожиданно раздвинулись, и они вышли в обширную подземную пещеру. Их шаги отдавались эхом в огромном, скрытом пространстве. И тут их охватило странное, почти осязаемое чувство – не зловещее, но торжественное. Будто сама пещера хранила в себе память о чём-то великом, о каком-то мгновении, изменившем всё. Будто здесь кто-то был... давным-давно.

Свет шара в руке Миатери выхватил из тьмы у стены скрюченную фигуру. Не труп, а голый, побелевший от времени скелет, облачённый в истлевшую в прах ткань. Но в ножнах у его пояса, странным образом уцелевших, лежал меч. Клинок был длинным и прямым, а на его гарде, словно застывшее чёрное пламя, покоился обсидиановый камень, поглощавший свет, а не отражавший его.

Не говоря ни слова, Дорхан опустился на одно колено перед останками. Он не перекрестился, не прошептал молитвы. Его жест был похож на ритуал – уважительный и целеустремлённый. Твёрдой рукой он расстегнул проржавевшую пряжку и извлёк меч из ножен. Лезвие зазвенело тихим, ясным звуком, неожиданным для вещи, пролежавшей в забвении, возможно, сотни лет.

Он взвесил его в руке, и его пальцы уверенно легли на рукоять, будто возвращаясь домой.

– Он не любит, когда его крадут, – тихо, больше себе, чем ей, произнёс Дорхан, поворачивая клинок. – Но для некоторых вещей нужна не королевская санкция, а лишь правильная причина.

Он посмотрел на Миатери, и в его глазах читалась не жажда новой добычи, а мрачная решимость.

– Идём. Теперь у нас есть и то, и другое.

Пройдя через обширную пещеру, хранящую молчаливую тайну древнего воина, они упёрлись в развилку. Тоннель раздваивался, и оба пути терялись в непроглядной тьме, не суля ничего, кроме неизвестности. Воздух в обоих коридорах был одинаково спёртым и холодным.

Дорхан замер, его уверенность внезапно испарилась. Он сжал рукоять нового меча, его взгляд метнулся от одного прохода к другому, и на его лице впервые за всё время побега появилась растерянность.

– Дальше – не моя территория, – хрипло признался он. – Я знал лишь о потайном ходе в стене. Один из старых стражей, преданных отцу Риза, показал его мне много зим назад, назвав «путем на крайний случай». Куда он ведёт... для меня всегда было тайной.

Он повернулся к Миатери. Свет её пламени отражался в его глазах, и в нём теперь читалась не только решимость, но и вопрос. Выбор пути, который мог стоить им жизни, он больше не брал на себя единолично.

– Твой дар... чувствуешь ли ты что-нибудь? Разницу? – спросил он, и в его голосе не было прежней снисходительности. Было уважение к её связи с миром, которой он был лишён. – Магия – это ведь не только пламя в ладони. Это и чутьё. Интуиция.

Он сделал шаг назад, предоставляя ей пространство, и ждал. Судьба их побега теперь зависела не от знания потайных ходов, а от тонкого чувства девушки, чью магию он когда-то, будучи капитаном, обязан был уничтожить.

Оба тоннеля были одинаково чёрными, безмолвными и непонятными для взора. Ни малейшего дуновения, ни намёка на звук. Миатери закрыла глаза, пытаясь отбросить страх и сосредоточиться на тонких вибрациях мира, на его угасающем дыхании.

И в одном из проходов она почувствовала... нечто. Не свежий воздух и не зовущий свет. Нечто иное. Глухую, настойчивую вибрацию, похожую на слышимую тишину. Она исходила не из воздуха, а словно из самого камня – холодный, безжизненный пульс, противоречащий всему живому, что она знала.

– Здесь, – выдохнула она, открыв глаза и указывая в чёрный зев правого тоннеля. – Я чувствую... пустоту. Но не естественную. Словно дыру в ткани мира.

Дорхан молча кивнул, его хватка на мече с чёрным камнем стала ещё крепче.

– Иногда чтобы найти выход, нужно пройти через бездну. Идём.

Они двинулись вперёд, и с каждым шагом чувство холода и опустошённости нарастало. Пламя Миатери начало вести себя странно – оно не гасло, но свет его становился тусклым, болезненным, будто ему больно было освещать эту тьму.

И тогда тьма перед ними сгустилась, закрутилась и обрела форму.

Оно поднялось из самой тени, существо в истлевшем балахоне, скрывавшем форму, больше похожую на пылающий хладом скелет. В пустых глазницах полыхали зелёные огоньки немой ненависти, а скрюченные пальцы, больше похожие на когти, сжимали посох из чёрного дерева. Воздух застыл, и запах смерти, древней и неумолимой, ударил им в нос.

ЛИЧ.

Его голос прозвучал не в ушах, а прямо в их сознании, скрежещущий и леденящий душу.

«Живая плоть... и старый воин, несущий клинок моего стража, – послышалось в их головах. – Вы принесли мне свои души. Как любезно.»

Дорхан шагнул вперёд, заслоняя Миатери, и поднял меч. Чёрный камень на гарде впитывал исходящее от лича магическое свечение, словно жадно питаясь им.

– Наш путь лежит через тебя, – прогремел Дорхан, и в его голосе не было страха, только стальная ярость. – Или в обход. Выбирай.

Лич испустил беззвучный смешок, от которого зашевелились волосы на голове.

«О, милый смертный... – прошипел он. – Здесь нет «обхода». Здесь есть только вечность. И вы станете её частью.»

Слова ещё висели в ледящем воздухе, как лич взметнул свой посох. Зелёное пламя, холодное как сама смерть, вырвалось из него и устремилось к ним вихрем костяных осколков и неживой магии.

Время замедлилось.

– ЩИТ! – крикнул Дорхан, но Миатери уже действовала.

Инстинкт, отточенный в заброшенной овчарне, сработал быстрее мысли. Она выбросила вперёд руку, и пламя на её ладони не погасло, а взорвалось ослепительной сферой чистого, солнечного света. Стена живого огня встала на пути ледящего вихря. Свет и Тьма столкнулись с оглушительным шипением, будто раскалённый металл опустили в ледяную воду. Осколки магии разлетались искрами, обжигая камни под ногами.

Но щит дрогнул. Сила лича была чудовищной, неживой, вывернутой наизнанку магией, против которой её стихийная мощь была словно детская забава. Она почувствовала, как её сила иссякает, высасываемая этой нематодой.

– Камень! – закричала она, отступая под натиском. – Он питается его силой!

Дорхан, пригнувшись за её щитом, уже был в движении. Он не был магом. Он был бурей. С низким рыком он сделал мощный выпад, и меч с чёрным камнем рассек воздух. Казалось, клинок не просто разрезал пространство, а пожирал его. Там, где он проходил, магическая ткань атаки лича рвалась и таяла, оставляя за собой пустоту.

Лич отшатнулся. В его бездонных глазницах мелькнуло нечто, похожее на удивление, а затем – на жгучую ненависть. Этот клиток был ему знаком. И опасен.

– Несносные насекомые! – проревел он в их сознании, и на этот раз его голос был полон не насмешки, а ярости.

Он вновь взметнул посох, на сей раз чтобы ударить им о землю. От точки удара по камням поползла паутина инея, а из тени позади них начали подниматься скелеты, вооружённые ржавыми мечами и щитами.

Бой только начинался.

Дорхан, подхватив щит поверженного скелета, рванулся вперёд. Он был как скала, о которую разбивались хрупкие кости нежити. Его новый меч с чёрным камнем описывал смертоносные дуги, и там, где он касался магии, питавшей скелетов, те просто рассыпались в прах, не оставляя даже вспышки энергии.

– Держи дистанцию! Бей по личу! – хрипло крикнул он, прикрывая её своим телом и щитом.

Миатери отступила на шаг, её разум лихорадочно работал, выуживая из памяти обрывки знаний, уроки деда, свои собственные догадки. Она бросала огненные шары, но лич рассеивал их взмахом костлявой руки. Она метала молнии – они огибали его, словно не смея ударить. Она подняла вихрь, чтобы разметать скелетов, но нежить лишь покачнулась, упёршись в пол мёртвой волей своего повелителя.

Она пыталась всё и сразу, её сила была через край, неорганизованная, отчаянная. А лич стоял недвижим, его зелёные огоньки горели с ледяным спокойствием. Он не уступал. Он играл с ними.

– Жалкие вспышки в ночи, – прозвучал его голос в их сознании, полный скучающего превосходства. – Ты борешься, как дитя, тычущее палкой в грозу. Позволь же мне показать тебе истинную силу!

Он воздел посох, и на этот раз зелёное пламя сгустилось не в атаку, а в огромную, пульсирующую сферу над его головой. Из неё потянулись щупальца чистой негативной энергии, жадно тянущиеся к живой плоти, к самой душе. Воздух завыл от невыразимого ужаса.

Миатери отпрянула, чувствуя, как её собственная жизненная сила начинает колебаться, готовая вырваться наружу. Она поняла: грубой силой его не взять. Нужно что-то другое. Что-то, что он не ожидает.

Её взгляд упал на чёрный камень на мече Дорхана, который так жадно поглощал магию. Идея, отчаянная и безумная, мелькнула в её голове.

– Дорхан!» – закричала она, едва уворачиваясь от щупальца смерти. – Кинь мне меч!

– Зачем он тебе? Ты же не умеешь фехтовать! – голос Дорхана был полон замешательства и ужаса при одной лишь мысли отдать клинок, но времени на споры не было.

– Хочу кое-что попробовать! – отозвалась Миатери, и в её глазах горела не ярость, а решимость учёного, нашедшего последнюю гипотезу.

Дорхан, стиснув зубы, швырнул ей меч. Рукоять грубо легла в её неумелую ладонь. В ту же секунду он подхватил с пола ржавый алебард и развернулся к наступающим скелетам, прикрывая её своим телом.

Миатери словила меч и... отпустила всё. Все щиты, все попытки атаковать. Она закрыла глаза и ухватила за рукоять обеими руками, как за якорь. И тогда она направила в него ВСЁ. Всю свою ману, всю свою ярость, всю боль потери, всю надежду на спасение. Она не просто влиwała силу – она открыла шлюзы, и её живая, стихийная магия хлынула в холодный, поглощающий камень.

Это было похоже на то, как пытаться наполнить бездонный кувшин целой рекой. Сознание поплыло, в глазах потемнело, она почувствовала, как её собственная жизнь уходит вместе с магией. Но она не отпускала.

Чёрный камень на гарде, веками поглощавший лишь угасающие искры, не выдержал этого чистого, яростного, живого потока. Он треснул и взорвался.

Не тьмой, а ярким, ослепляющим, почти священным светом. Это был не огонь и не молния. Это была сама Жизнь, вывернутая наизнанку и обращённая против самой Смерти. Световой удар ударил в лича, не оставляя ему ни шанса на защиту или отступление.

Раздался оглушительный хруст – рассыпался не лич, а сам меч, обращённый в пыль невыносимой мощью. А лич... он не испарился. Он рухнул на каменный пол, как тряпичная кукла. Зелёный огонь в его глазницах померк. Из его скрюченных пальцев выкатился и упал на пол небольшой, потрёпанный том в потускневшей коже. Гримуар.

В ту же секунду скелеты замерли и рухнули грудой бесполезных костей. Тишина, оглушительная и полная, вновь воцарилась в пещере.

Дорхан, бросив алебарду, подбежал и успел подхватить Миатери, прежде чем она безжизненно рухнула на камни. Она была бледна как полотно, дыхание – поверхностным.

– Держись, Пламя, – хрипел он, укладывая её поудобнее. – Держись...

Прошло время. Миатери медленно открыла глаза, снова увидев свод пещеры. Голова раскалывалась, всё тело ломило, будто её переехал королевский обоз. Рядом сидел Дорхан. Он молча протянул ей ту самую книгу.

– Он уронил это, – просто сказал Дорхан. Его голос был глух и полон нового, незнакомого уважения. – Ты не просто сражалась с ним, дитя. Ты... переписала правила боя.

Он смотрел на неё не как на юную ведьму, а как на оружие. Странное, необузданное и страшное. Но единственное, что могло противостоять тьме, надвигающейся на Эларион.

Немного посидев, опираясь спиной о холодный камень, они продолжили путь. Слабость всё ещё свинцово тянула Миатери вниз, каждый шаг давался с усилием, но мысль о выходе гнала её вперёд. Чуть пройдя они почувствовали лёгкий сквозняк. Сперва это было лишь лёгкое движение воздуха, едва шевелившее её волосы. Но с каждым новым поворотом узкого тоннеля он набирал силу, становясь прохладным, настойчивым потоком. Он нёс с собой не запах сырости и праха, а горьковатый аромат хвои и влажной земли. Запах ночи снаружи. Запах свободы.

Выход был близко.

Они шли молча, прислушиваясь к зову свежего ветра. Ничто не могло бы сказать им больше в этот миг. Давление подземелья, казалось, ослабевало с каждым шагом, отступая перед дыханием живого мира.

И вот впереди, в конце тоннеля, показался слабый свет – не их магического шара, а бледный, холодный и невероятно прекрасный свет луны, пробивающийся сквозь занавес из горных лиан и корней. Дорхан остановился, пропуская Миатери вперёд. Та, сделав последнее усилие, раздвинула колючие ветви и сделала шаг из каменной утробы пещеры на мягкий, пьянящий ковёр мха. Над ними простиралось бескрайнее небо Элариона, усыпанное звёздами. Те самые звёзды, что когда-то мерцали магией, теперь горели для них как символ надежды. Воздух, холодный и чистый, обжёг лёгкие, смывая запах смерти и тлена. Они стояли на склоне, в чаще леса, далеко в горах под замком Риза, который теперь был лишь скоплением мрачных башен в долине вверху.

Дорхан вышел следом, его грудь поднялась в глубоком вдохе.

– Вот и всё, – тихо сказал он, глядя на звёзды. – Мы снаружи.

Он повернулся к Миатери, его лицо было серьёзным.

– Игрушки кончились, дитя. Теперь начинается настоящая война. И этот... – он кивнул на Гримуар в её руках, – будет нашим первым трофеем. И ключом.

Спустившись, они устроили привал у маленького горного ручья, чьи воды, казалось, смывали с них пыль и ужас подземелья. Уставшие, они повалились без сил на мягкий мох. В то время как Миатери сидела, обессиленная и смущённая своей слабостью после невероятного всплеска силы, Дорхан действовал с привычной методичностью старого солдата. Он легко развёл огонь и наловил пару серебристых рыбин, чья жарка на углях вскоре наполнила воздух дразнящим ароматом.

Пока улов шипел на огне, Миатери с любопытством и трепетом открыла Гримуар. И то, что она увидела, заставило её забыть об усталости.

Страницы книги, испещрённые точными, почти механическими чернильными чертежами и сложными формулами, содержали в себе не просто сборник заклинаний. Это была целая энциклопедия магии, её фундаментальных принципов. Здесь были подробно описаны тёмная магия, питаемая жертвами и негативными эмоциями, и магия стихий – огня, воды, земли и воздуха, с детальным разбором их взаимодействия и противостояния. Рукописи объясняли, как выстроить защиту от чужеродного влияния, как направлять потоки энергии и даже как создавать простейшие артефакты.

Святая магия, однако, не была описана как отдельная школа. В книге упоминалось лишь, что существует «светоносная энергия», порождаемая чистой верой и силой воли, и что она является самым эффективным, но и самым неуловимым противовесом тёмной магии.

И на титульном листе, выведенным витым, но потускневшим от времени шрифтом, стояло имя владельца: «Элиан Мелнар, Верховный архимаг при дворе Его Величества Рейгана I».

Миатери подняла глаза на Дорхана, который молча наблюдал за ней, переворачивая рыбу.

– Рейган... Это же отец Риза, да? – тихо спросила она.

Дорхан мрачно кивнул, его взгляд на мгновение ушёл в прошлое.

— Да. Мудрый и справедливый король. Его правление было эпохой расцвета. А Элиан... – он ткнул пальцем в книгу, – был величайшим умом своего поколения. Говорили, он понимал саму душу магии.

Он посмотрел на Миатери, и в его глазах читалась новая, тревожная мысль.

– Если Риз уничтожает магию, то почему гримуар его собственного архимага оказался в руках лича в потайной пещере? Что заставило Элиана изучать тёмные искусства? И что на самом деле случилось со старым королём?

Вопросы повисли в ночном воздухе, куда более тяжёлые, чем усталость в костях. Их побег принёс им не просто свободу. Он принёс им первую ниточку, ведущую к главной тайне, – и эта ниточка была сплетена из тьмы.

Перекусив, они легли спать. Первым на дозор стал Дорхан. Его воинская закалка и выносливость были почти нечеловеческими – годы службы и бесчисленные кампании отточили его умение обходиться без сна и оставаться бдительным, когда другие уже валились с ног.

Пока Миа спала, сметённая волной истощения, он бесшумно, как тень, обследовал ближайшую местность. Его взгляд, привыкший читать ландшафт как карту, отмечал безопасные пути отхода, укрытия и источники воды. Убедившись, что за ними нет погони и вокруг нет непосредственной угрозы, он вернулся на край их маленького лагеря, прислонился спиной к сосне и уставился на потухающие угли костра.

Тишину ночи нарушали лишь треск сучьев, журчание ручья и ровное дыхание спящей девушки. И в этой тишине его мысли зазвучали с пугающей ясностью.

Отец Рейган... – мысленно произнёс он, глядя на отблески углей в своих натруженных ладонях. Ты верил в сильное, но справедливое королевство. Где магия и сталь служили одной цели – процветанию. Где я был твоим мечом, а Элиан – твоим светильником. Что же пошло не так?

Он взглянул на сторбленную фигурку Миатери. Хрупкая, как тростинка, и при этом взорвавшая древний артефакт чистой силой воли. В ней была ярость, способная спасти мир... или спалить его дотла.

Я посвятил жизнь защите этого королевства. Сначала от внешних угроз, потом... от него самого. От того монстра, в которого превратился твой сын. И теперь мой долг – вести это живое оружие, эту девочку, которая даже не знает, на что способна.

Он сжал кулак. В памяти всплыли лица стражников, которых он тренировал, с которыми пировал, которых потом был вынужден усмирять или убивать, когда они слишком рьяно приняли «новый порядок».

Она права в своей ненависти. Но одной ненависти мало. Нужна цель. И стратегия. И этот чёртов гримуар... Его взгляд скользнул к потрепанному тому, лежащему рядом с Миа. Элиан, старый друг... Что ты узнал такого, что заставило тебя обратиться к тьме? И как мы можем использовать это, чтобы вернуть свет?

Дорхан глубоко вздохнул ночным воздухом. Путь впереди был опасным и тёмным. Но впервые за долгие годы у него появилась не просто причина сражаться, а причина надеяться. Пусть даже эта надежда спала беспокойным сном у него за спиной и пахла дымом и озоном.

Спустя пять-шесть часов Миатери проснулась от лёгкого потрескивания – Дорхан подкидывал в костёр свежие ветки. Предраассветная прохлада кутала лагерь серебристым туманом, а старый воин сидел у огня, сосредоточенно натирая тряпицей свой «новый» меч – длинный прямой клинок, с которого теперь обильно слезала ржавчина.

Миатери с трудом поднялась, её тело ныло от вчерашних сверхъестественных усилий. Она подошла к костру и молча села напротив, глядя на его работу. Затем, преодолевая смущение, тихо произнесла:

– Прости... за тот меч. С чёрным камнем. Он был... красивый. И, наверное, древний. А я его... – Она не нашла слов, лишь развела руками, словно снова видя, как клинок рассыпается в пыль.

Дорхан не поднял сразу глаз, завершив движение по лезвию. Он отложил тряпицу и повертел клинок в огне, изучая проступивший сквозь ржу узор.

– Эту ржавую палку я подобрал у скелета, – спокойно сказал он. – А тот, с камнем... был взят у мёртвого стража в подземелье. Инструменты. Они приходят и уходят.

Наконец он посмотрел на неё, и в его глазах не было упрёка, лишь суровая ясность.

– Ты не сломала меч, девушка. Ты израсходовала его. Как лучник расходует стрелу, чтобы пробить сердце врага. Он выполнил своё предназначение и позволил нам жить дальше. Для оружия нет высшей чести.

Он снова взялся за тряпицу, но теперь его движения были более неторопливыми, почти задумчивыми.

– А красота... – он усмехнулся, коротко и сухо. – Красивый меч – это тот, что держит заточку и не ломается в бою. Всё остальное – для придворных щёголей. Этот... – он кивнул на очищающийся клинок, – уже однажды послужил кому-то до конца. Надеюсь, и нам послужит так же верно.

Он протянул ей почищенную флягу с водой.

– Пей. Сегодня нам нужно дойти до Чёрных Ключей. Там живёт... один старый знакомый. Если, конечно, он ещё жив и не забыл старые долги.

– Ещё темно... Не хочешь ли ты отдохнуть, Дор? – поинтересовалась Миа вставая в дозор.

– Спасибо за заботу, Пламя. – Дорхан тихо хрипло рассмеялся, не отрывая взгляда от огня. – Но у старых солдат сон другой. Короткий и чуткий. Я уже свое отдохнул.

Он кивнул на запад, в сторону угасающих звезд.

Скоро рассвет. А с ним могут прийти и патрули. Лучше уж я буду держать ухо востро, пока ты набираешься сил. Тебе сегодня снова понадобится вся твоя мощь.

Он бросил в огонь еще одну сухую ветку, заставив искры взвиться к небу.

– И кстати... насчет той книги. – Его голос стал серьезным, почти наставническим. – Будь с ней осторожна. Знания – это сила, но не всякая сила полезна. Особенно от бывшего архимага. Читай, но не верь слепо. Доверяй скорее своей интуиции, чем чужим чернилам.

Позавтракав остатками рыбы и горстью лесных ягод, которые Дорхан нашёл на рассвете, они принялись собирать лагерь. Действовали молча и слажено, будто давно отточенным ритуалом. Миатери тушила костёр, засыпая угли землёй и разравнивая пепел, чтобы от их привала не осталось и следа для чужого глаза. Дорхан в это время свёртывал свою походную плащ-палатку и проверял снаряжение.

– Чёрные Ключи... – нарушила тишину Миатери, сметая следы их стоянки веткой. – Это далеко? И кто этот... знакомый?

Дорхан, натягивая на плечо ремень от щита, на мгновение задумался.

– День пути, если ноги не подведут. А если подведут – то два, – ответил он. – А насчёт знакомого... – Он метнул на деву быстрый взгляд. – Лучше пока не говорить. Скажу лишь, что если он ещё там и если согласится с нами говорить, то его знания о том, что творится при дворе Риза, стоят целой армии.

Он подобрал с земли гримуар и протянул его Миатери.

– Держи. И старайся, чтобы его не было видно. Вещи вроде этой притягивают лишние взгляды.

Он ещё раз окинул взглядом поляну, проверяя, ничего ли они не забыли.

– Поселения здесь редки. Люди боятся и королевских сборщиков, и... прочих тварей, что теперь бродят по дорогам. Но если повезёт, выйдем на одинокую ферму или в охотничий посёлок. Нам нужны припасы и, что важнее, слухи.

Он твёрдо кивнул, указывая направление вглубь леса, под сень ещё не проснувшихся от ночи деревьев.

– Идём. И помни – доверяй только своим глазам. И никому другому.

Они выступили с рассветом, уходя вглубь леса, где кроны деревьев смыкались, словно пытаясь скрыть их от мира. Они двигались быстро и почти бесшумно – Дорхан по-волчьи легко, Миатери – с врождённой осторожностью дикой кошки, чуткой к каждому шороху. Спустя какое-то время впереди послышались подозрительные звуки: не птицы, не звери, а резкие, визгливые крики, перемешанные с плачем и звоном металла. Они замерли, обменявшись взглядами, и крадучись двинулись на звук.

За поворотом тропы открылась картина: группа гоблинов, человек шесть, с кривыми ножами и зазубренными дротиками, окружила двух путниц. По разбросанным у кустов холщовым сумкам, из которых сыпались сушёные травы и корешки, было ясно – это травницы. Одна, постарше, прижимала к груди окровавленную руку, вторая, девушка, отчаянно размахивала коротким мечом, пытаясь прикрыть раненую. Но круг сжимался, и в глазах уродливых существ уже плясали огоньки предвкушения.

У Дорхана не было ни секунды на раздумья. Его лицо стало каменным.

– Фланг! – бросил он Миатери одно-единственное слово, и его меч уже был в его руке.

Он не закричал, не бросился в лобовую атаку. Он просто возник среди гоблинов, как внезапная гроза. Его длинный клинок описал смертоносную дугу, и два гоблина рухнули, даже не успев понять, откуда пришла смерть.

В тот же миг, следуя его команде, Миатери рванула вперёд, обходя схватку сбоку. Она не стала тратить время на сложные заклинания. Её рука выбросилась вперёд, и из ладони, с резким хлопком, вырвался сгусток сжатого воздуха. Он ударил в ближайшего гоблина, швырнув того в его сородича, – этого было достаточно, чтобы пробить брешь в кольце окружения.

– К нам! – крикнула она девушке с мечом.

Гоблины, опешив на мгновение от внезапной атаки, теперь с яростным визгом переключились на новых врагов. Но было уже поздно. Дорхан был неустойчив, как таран, а Миатери, используя деревья как укрытие, осыпала их градом мелких, но болезненных огненных искр, отвлекая и ослепляя.

Бойня была короткой и жестокой. Через несколько мгновений на земле лежали тела гоблинов, а в воздухе пахло кровью, гарью и страхом.

Дорхан, тяжело дыша, отер лезвие о плащ одного из поверженных существ и окинул взглядом поляну.

– Раненая? – коротко спросил он, подходя к травницам.

Девушка с мечом, всё ещё дрожа, опустила своё оружие и кивнула, обнимая свою спутницу.

– Мама... её рука... они хотели...

Миатери подошла ближе, её собственное сердце бешено билось. Она смотрела на бледное лицо раненой женщины, на разбросанные по земле целебные травы, и понимала – они только что спасли тех, кто, возможно, мог бы спасти многих других. Впервые за долгое время её сила была потрачена не на разрушение, а на защиту. И это чувство было новым и горько-сладким.

Миатери трясло уже не от боя, а от иного, холодного волнения. Она смотрела на бледное, искажённое болью лицо женщины и на её руку, из которой сочилась алая кровь.

– Я... я могу попробовать помочь – тихо сказала она, опускаясь на колени рядом с раненой.

Девушка с мечом посмотрела на неё с надеждой, но Дорхан нахмурился, почуяв неладное.

– Миа...

Но она уже не слушала. В её памяти всплыли страницы гримуара, те самые, что описывали не светлую, благословенную энергию, а нечто иное. Магию, что оперировала самой тканью жизни, пусть и через призму тени, через переписывание урона, а не через дарование благодати.

«Исцеление Чёрной Лилии», – промелькнуло в её голове. «Не заживляет, а запечатывает. Не восстанавливает, а... консервирует, заставляя плоть забыть о боли и повреждении.»

Она закрыла глаза, отбросив сомнения. Ей была нужна практика, результат. Она протянула руки над раной.

Энергия, что потекла из её пальцев, была ледяной и липкой, как паутина. Она не сияла. Она поглощала свет, окутывая рану сгустком живучей тьмы. Воздух наполнился запахом влажной земли и увядших цветов. Пламя их костра померкло, будто испугавшись.

Раненая женщина застонала, но не от боли – от странного, неестественного ощущения. Кровь перестала течь. Плоть на ране не затянулась розовым рубцом, а почернела и застыла, как обугленное дерево, образуя причудливый, уродливый узор, похожий на высохший цветок.

Дорхан резко отшатнулся, его рука непроизвольно легла на рукоять меча.

– Что ты натворила? – его голос был жёстким и неодобрительным.

Девушка-травница смотрела на почерневшую руку матери с ужасом.

– Это... это не исцеление! Это проклятие!

Миатери отпрянула, смотря на свою работу. Рука была спасена от кровопотери, боль ушла. Но цена... Цена была видна невооружённым глазом. Это была не жизнь, а её зловещая пародия.

– Она будет жить – пробормотала Миатери, но в её голосе не было уверенности, лишь леденящий ужас от осознания того, какая сила теперь в её руках – и как легко её можно обратить во зло, даже с самыми благими намерениями. Гримуар архимага Мелнара оказался куда более опасным, чем она могла предположить.

– Я... я всё исправлю, когда мы придём в безопасное место – выдохнула Миатери, не в силах оторвать взгляд от почерневшей, запечатанной плоти. Её собственные пальцы дрожали.

– Я найду способ. Светлую магию, травы... что угодно. А сейчас... сейчас и этого хватит, чтобы она не истекла кровью.

Её голос звучал неуверенно, почти умоляюще. Она пыталась убедить в этом не только их, но и саму себя.

Дорхан молчал несколько секунд, его взгляд метался от испуганных лиц травниц к лицу Миатери, на котором застыла смесь страха и решимости. Он видел в её глазах не злой умысел, а отчаянную попытку помочь любой ценой. Ценой, о которой она сама не подозревала.

– Да, – хрипло согласился он, разрывая тягостную паузу. – Хватит. Она жива. Это главное.

Он сделал шаг вперёд, его массивная фигура заслонила Миа от осуждающих взглядов.

– Вы можете идти? – спросил он у травниц, и в его тоне не было места для возражений.

Девушка с мечом, всё ещё дрожа, кивнула и помогла матери подняться. Та с ужасом смотрела на свою чёрную руку, но боли больше не было.

– Следуйте за нами, – приказал Дорхан. – Мы доведём вас до Чёрных Ключей. Там будет безопаснее.

Он бросил многозначительный взгляд на Миатери, полный немых вопросов и сурового предупреждения. «Ты начала играть с силами, которые не понимаешь. И за последствия придётся отвечать.»

Он развернулся и снова возглавил их маленький отряд. Но теперь в воздухе висела не просто опасность погони, а тяжёлое, невысказанное знание: их спасительница несла в себе семя чего-то тёмного, и первая же попытка помочь обернулась зловещим шрамом.

Девушка с мечом, всё ещё не выпускавшая из рук своё скромное оружие, робко посмотрела на Дорхана.

– Зачем идти в Чёрные Ключи? – спросила она, смущённо опуская глаза. – Наша деревня... она всего в двух часах ходьбы отсюда. Мы можем добраться сами.

Её мать молча кивнула, инстинктивно прижимая к себе свою почерневшую руку, будто стараясь спрятать её от чужих взглядов.

Дорхан остановился и медленно повернулся к ним. Его взгляд был не гневным, но твёрдым, как скала.

– Потому что гоблины редко бродят по лесам в одиночку, – объяснил он, и его голос звучал устало, как у человека, видевшего подобное слишком часто. – Там, где есть одна стая, поблизости всегда есть другая. А вы, с вашими травмами и одной раной, будете лёгкой добычей.

Он указал рукой в сторону, противоположную той, куда, видимо, вела дорога к их деревне.

– А ещё потому, что ваша деревня – первое место, куда пойдут королевские патрули, если найдут здесь мёртвых гоблинов. И они будут задавать вопросы. Про гоблинов, про вас... и про тех, кто вас спас.

Его глаза на мгновение встретились с взглядом Миатери, и в них читалось непреклонное решение.

– В Чёрных Ключах есть люди, которые не любят лишних вопросов. И которые умеют хранить секреты. Это даст вам время. Время на то, чтобы твоя мать пришла в себя, а мы... чтобы решить, что делать дальше.

Он снова тронулся в путь, не оставляя им выбора. Его логика была безжалостной, как точильный камень, и столь же неоспоримой. Возвращение домой сейчас было бы не спасением, а приглашением новой беды.

Спустя время, когда солнце поднялось выше и начало припекать спины, они набрали на спокойную, солнечную поляну, окружённую старыми дубами. Ручей, бежавший неподалёку, звал к себе прохладой. Без лишних слов, по обоюдному молчаливому согласию, они решили отдохнуть. Дорхан бегло осмотрел периметр, убедившись в отсутствии свежих следов, а затем с облегчением опустил свой вещмешок. Травницы, измождённые и морально, и физически, тут же присели на мягкую траву у ручья. Девушка принялась смачивать водой платок, чтобы обтереть лицо матери.

Миатери медленно опустила на корточки, окунула руки в ледяную воду и провела ими по лицу, пытаясь смыть и усталость, и тяжёлые мысли. Она украдкой взглянула на женщину. Та сидела, уставившись в воду, и время от времени пальцами здоровой руки касалась своей чёрной, запечатанной руки, словно проверяя, не привиделось ли.

Дорхан подошёл к ручью, чтобы наполнить флягу. Он был молчалив, но его спина, прямая и неутомимая, казалось, говорила сама за себя: «Отдыхайте, пока есть возможность. Дальше может быть не до того».

Воздух на поляне был наполнен неловким молчанием, нарушаемым лишь журчанием воды и пением птиц. Между путниками лежала невысказанная тревога – и о гоблинах, и о королевских стражах, и о той странной, тёмной силе, что сковала рану, не дав ей исцелиться.

Тишину нарушила девушка с мечом. Она подняла голову, и в её глазах, помимо усталости и страха, читалась решимость.

– Я Руна, – сказала она тихо, но чётко. – А это моя мать, Силия. Мы... собирали корни и папоротник у Скалистого ручья. Не думали, что гоблины забредут так далеко.

Её мать, Силия, кивнула, и тень боли скользнула по её лицу, когда она невольно снова коснулась своей запечатанной руки.

– Мы вам обязаны жизнью, – добавила она, и её голос, хоть и слабый, был полон искренней благодарности, пересилившей даже страх перед странным «исцелением». – Если бы не вы... – Она не стала договаривать.

Дорхан, закончив с флягой, обернулся к ним. Его поза немного смягчилась.

– Дорхан, – отрекомендовался он коротко. – А это Миатери.

Миатери подняла взгляд от воды, кивнув в ответ. Ей было неловко под их взглядами, полными смешанных чувств.

– Ваша деревня... – снова заговорила Руна, обращаясь к Дорхану. – Вы сказали, что в Чёрных Ключах безопасно. Там... там действительно помогут?

– Там дадут шанс, – поправил её Дорхан. – И кров над головой. А остальное... зависит от многих вещей.

Он перевёл взгляд на Силию.

– Ваша рука... как она?

Силия вздрогнула.

– Не болит, – прошептала она. – Совсем. Но она... она чужая.

Это признание повисло в воздухе, снова напомнив всем о тёмной тайне, которую они теперь несли с собой. Знакомство состоялось, но пропасть непонимания и страха между ними лишь углубилась.

Миатери, практически со слезами на глазах, отошла в сторонку, под сень старого дуба, и с дрожью в руках достала гримуар. Тяжёлый переплёт лёг на её колени, словно гиря, нагруженная виной. Она лихорадочно перелистывала страницы, её взгляд скользил по сложным диаграммам и зловещим формулам, выискивая хоть что-то – опровержение, объяснение, способ обратить вспять то, что она натворила. Шёпот, с которым она пробегала строки, был полон отчаяния: «Не может быть, чтобы нельзя было исправить... Должен быть способ...»

В это время Дорхан, с привычной методичностью, развёл небольшой, но жаркий костёр. Его движения были точны и экономны – он не тратил ни единого лишнего движения, словно каждая потраченная калория была на счету.

Руна, стараясь быть полезной, молча бродила по опушке, собирая сухие ветки для костра. Время от времени она бросала встревоженные взгляды то на мать, то на Миатери, погружённую в свою мрачную книгу.

Силия, преодолевая слабость и странное онемение в своей почерневшей руке, здоровой рукой развязала свою сумку и начала готовить чай из собранных ранее трав. Её пальцы, привыкшие к этой работе, автоматически отмеряли щепотки сушёных листьев и цветков. Запах мяты и чабреца, чистый и успокаивающий, медленно начал наполнять воздух, вступая в странный, диссонирующий контраст с тяжёлой атмосферой, исходящей от Миатери и её гримуара.

Возникла тихая, почти бытовая сцена, но под её поверхностью бушевали тёмные воды страха, вины и невысказанных вопросов. И в центре этого шторма сидела юная волшебница, в отчаянии вглядываясь в бездну тёмного знания, надеясь найти в ней спасительную нить.

Дорхан, окинув взглядом поляну и прислушавшись к лесным звукам, решил, что всем отчаянно нужна настоящая передышка. Место было хорошим – укрытым, неприметным, тихим. Сжалился. Не словом, а делом.

Сначала он соорудил всем лежанки из елового лапника и сухого мха – грубые, но неожиданно мягкие и ароматные. Для Силии – побольше, чтобы, можно было полусидя облокотиться. Для Руны – понадежнее. Для Миатери – в самом уединённом углу, под самым густым навесом ветвей. Затем, молча, взял заострённую палку и отправился к глубокому омуту на ручье. Через некоторое время он вернулся с тремя увесистыми рыбинами, нанизанными на прут.

Миатери всё так же сидела, склонившись над книгой, но её поза изменилась. Исчезла лихорадочная поспешность, сменившись сосредоточенной, почти окаменевшей внимательностью. Она не просто читала – она впитывала, вгрызалась в строки, её пальцы иногда чертили в воздухе сложные знаки, повторяя увиденное. Она отгораживалась от мира страницей, как щитом.

Силия, используя припасённый Руной небольшой котёл и крупу, начала готовить суп. Движения её здоровой руки были медленными, но точными. Она будто вкладывала в это простое дело всю свою нерастраченную заботу. Запах жареной на углях рыбы от Дорхана смешивался с ароматом будущей похлёбки – это был запах жизни, цепляющейся за каждый шанс.

Руна, разложив скромные припасы – немного сушёного мяса, горсть орехов, ломоть чёрного хлеба, – тихо сидела рядом с матерью, наблюдая за происходящим. Её взгляд скользил по могучему Дорхану, по погружённой в свои мысли Миатери, и в её глазах читалась не просто благодарность, а попытка понять, в какой истории им выпала роль.

На поляне стояла почти идиллическая тишина, нарушаемая лишь потрескиванием костра и шелестом страниц. Но каждый в этом маленьком лагере носил в себе свою бурю: Дорхан – груз прошлого и ответственности, Миатери – вину и жажду знаний, Силия – боль и страх, Руна – тревогу за будущее. Они были похожи на островки, на время приставшие друг к другу в бушующем море, зная, что затишье – лишь передышка перед новым штормом.

– Кушать! – тихо, но чётко позвала Силия, разливая дымящуюся похлёбку по деревянным мискам.

Руна и Дорхан сразу же подошли к костру. Но Миатери не отреагировала. Она сидела, словно изваяние, погружённая в гримуар, её взгляд был прикован к странице, полной сложных схем взаимодействия магических потоков.

Руна, приняв свою миску, с беспокойством посмотрела на одинокую фигуру под деревом, затем на Дорхана.

– А что с ней? – тихо спросила она, кивком указывая на Миатери. – Она как... не здесь.

Дорхан, медленно пережёвывая кусок хлеба, последовал за её взглядом. Его собственное лицо было непроницаемым.

– Не знаю – ответил он коротко, и это была чистая правда. Он не понимал ни её дара, ни её одержимости, ни глубины её вины.

Он помолчал, глядя на то, как свет костра играет на её сосредоточенном лице.

– Но чувствую силу в ней – добавил он уже тише, его голос приобрёл оттенок чего-то древнего, почти инстинктивного. – Не просто магию. Что-то... другое. Упрямство. Решимость. Ядро.

Он отпил из своей фляги, и его следующие слова прозвучали с редкой для него откровенностью, словно признаваясь не столько Руне, сколько самому себе:

– Что-то в моём сердце говорит – быть с ней рядом. Куда бы это нас ни привело.

Возможно, это была интуиция старого солдата, чувствующего поворотный момент в судьбе. Возможно, смутное воспоминание о том, каким мир был полон магии, и надежда снова это увидеть. А может, просто понимание, что некоторые битвы стоит проиграть, если сражаешься не на той стороне.

Он отложил миску и, отломив кусок хлеба, направился к Миатери. Он не стал будить её от транса, не стал уговаривать. Он просто молча положил еду на разворот книги рядом с её рукой, давая понять: ты не одна. И твой путь, каким бы тёмным он ни был, мне не безразличен.

Миа, не отрываясь от книги, ощутила лёгкое движение рядом и краем глаза заметила грубую руку, кладущую кусок хлеба и миску с похлёбкой прямо на разворот с чертежами магических контуров. Она машинально, почти рефлекторно, кивком поблагодарила воина и, не глядя, взяла хлеб. Принялась жевать, её челюсти двигались монотонно, будто это был просто ещё один процесс, необходимый для поддержания работы тела, пока её разум парил в иных мирах – мирах тёмных заклинаний и запрещённых ритуалов.

Её взгляд не отрывался от страницы ни на секунду. Она изучала не просто слова, а сам принцип, стоящий за «Исцелением Чёрной Лилии». Она искала не отмену, а понимание. Если эта магия могла запечатать рану, заставив плоть забыть о повреждении, то, возможно, существовал и обратный процесс – не светлое исцеление, а иное, более глубокое и рискованное... что-то вроде «Рассечения Теневой Печати» или «Возвращения Памяти Плоти».

Она жевала безвкусный хлеб, не замечая его, вся поглощённая вихрем мыслей. Книга перестала быть просто источником знаний; она стала вызовом, загадкой, которую она была обязана разгадать, чтобы искупить свою ошибку. И в этом сосредоточенном безумии была странная, пугающая решимость, которая заставила бы содрогнуться любого, кто её увидел.

Дорхан, наблюдая за ней с расстояния, видел не просто одержимость. Он видел рождение алхимика, готового экспериментировать с самой тканью бытия. И его тихое решение оставаться с ней становилось лишь твёрже. Завтра их ждал путь в Чёрные Ключи, а сегодня... сегодня он охранял покой девушки, в чьих руках, возможно, находилась не только её собственная судьба, но и судьба всего Элариона.

Все легли спать. Руна и Силия, измождённые, почти мгновенно погрузились в тяжёлый сон. Тишину нарушали лишь треск углей и настойчивый шелест страниц. Миатери, казалось, совсем забыла о существовании внешнего мира, её сознание полностью утонуло в лабиринтах гримуара.

Прошли часы. Ночь достигла своего самого густого мрака, когда звёзды начинали бледнеть перед рассветом. И внезапно Миатери очнулась. Она не просто подняла голову – она вынырнула из глубины знаний, как будто её кто-то силой выдернул на поверхность. Её глаза, покрасневшие от усталости, уставились на неподвижную фигуру Дорхана, сидевшую у потухающего костра.

– Дорхан! – её голос прозвучал хрипло от долгого молчания, но в нём слышалась не тревога, а внезапное, обжигающее осознание. – Ты... ты же уже не спишь вторые сутки!

Он медленно повернул к ней голову. В тусклом свете его лицо казалось высеченным из камня, но в глазах, пристально всматривающихся в ночь, она увидела ту самую стальную усталость, которую знала по себе.

– Сон – роскошь, которую мы не всегда можем себе позволить, Пламя – ответил он глухо, но в его голосе не было и тени упрёка.

– Это не роскошь, это необходимость! – она захлопнула книгу с таким грохотом, что на мгновение вздрогнули даже спящие.

– Ты не железный. Если ты рухнешь от изнеможения, кто будет вести нас дальше? Кто будет прикрывать мою спину, пока я... пока я копаюсь в этой чёртовой книге?

В её словах впервые прозвучала не вина ученицы перед наставником, а искренняя, острая тревога за товарища. Она встала и решительно подошла к нему.

– Спи. Сейчас же. Я постою в дозоре. Я уже отдохнула... умом, по крайней мере.

Дорхан хотел было возразить, но увидел непоколебимую решимость в её взгляде. Это был не просьба, а приказ. И впервые за долгие годы он почувствовал, что может позволить себе кому-то подчиниться. Сдавшись, он тяжело поднялся.

– Буди при первом же шорохе, который покажется тебя подозрительным. Не геройствуй.

– Не собиралась. – буркнула она, занимая его место у костра.

Дорхан добрался до своей лежанки и рухнул на неё без сил. Последнее, что он увидел перед тем, как сон сморил его, – это спину Миатери, окутанную предрассветной дымкой, и открытый гримуар на её коленях. Но теперь она не просто читала его. Она охраняла его покой. И в этом был новый, хрупкий, но невероятно прочный союз.

Настало утро. Солнечные лучи пробивались сквозь листву, роса сверкала на паутинках, и лес наполнялся привычным утренним щебетом. Время завтрака.

Все, кроме двоих, хорошо отдохнули. Руна, умывшись в ручье, выглядела свежо, её движения были полны новой энергии. Силия, с привычной ей заботливой медлительностью, снова разводила небольшой огонь и готовила чай. Запах травяного отвара смешивался с запахом влажной земли и древесной смолы – это был запах нового дня, запах надежды.

Дорхан же, несмотря на несколько часов тяжёлого, мёртвого сна, двигался с заметной скованностью. Его плечи были чуть более ссутулены, а в глазах, когда он проверял остриё своего меча, читалась не прошедшая до конца усталость. Он был тем самым дубом, что выстоял бурю, но на который буря оставила свои отметины.

А Миатери... Она сидела на своём месте, под тем же дубом. Гримуар лежал рядом, закрытый, но её красные, воспалённые глаза, под которыми залегли тёмные тени, красноречиво говорили о бессонной ночи, проведённой в дозоре и в поисках ответов. Она смотрела куда-то в пространство перед собой, её пальцы бессознательно перебирали складки платья, будто повторяя невидимые руны.

Силия, наливая чай в простую деревянную чашку, первая подошла к Миатери.

– Дитя, выпей. – мягко сказала она, протягивая ей чашку.

– Это от усталости. И для ясности ума. В её голосе не было ни страха, ни осуждения, лишь тихая, материнская забота, которая, казалось, прощала даже тёмную магию, что сковала её руку.

Миатери медленно подняла на неё взгляд, словно возвращаясь из далёкого путешествия. Она молча взяла чашку, и её пальцы на мгновение сомкнулись вокруг тёплого дерева. Это был простой жест, но в нём был целый разговор. Принятие помощи. Признание своей человеческой слабости. Возможно, первый маленький шаг к тому, чтобы простить саму себя.

Дорхан, наблюдая за этой сценой, молча кивнул самому себе. Его решение оставаться с ней, охранять её покой и её одержимость, снова оказалось правильным. Они были изранены и недоспали, но они были вместе. И в этом хрупком равновесии между усталостью и решимостью рождалось нечто большее, чем просто союз по необходимости.

Собрав свои вещи, они наконец двинулись дальше. Проселочная дорога вилась между древними соснами и стройными березами, солнечные блики играли на лесной подстилке, а воздух был напоён ароматом хвои и цветущих трав. Прошла половина дня, и ничего тревожного не случилось – лишь пение птиц и шелест листьев под ногами сопровождали их. После мрачных подземелий и кровавой схватки эта лесная идиллия казалась почти нереальной.

И в этой мирной атмосфере Руна, чья юная энергия, похоже, полностью восстановилась, не могла усидеть на месте. Она то подбегала к Дорхану, идя рядом с ним, то отставала, чтобы сорвать цветок, но неизменно возвращалась с новым вопросом.

– Дорхан, а вы долго служили в страже?

– А вы много воевали? Где? С драконами?

– А покажите мне какой-нибудь приём! Вот с мечом! Я умею немного, мама говорила, это полезно, но я только базовые движения знаю...

Её голос, звонкий и настойчивый, нарушал задумчивое молчание леса. Силию, казалось, забавляло любопытство дочери, и она лишь изредка мягко одёргивала её: «Руна, не мешай человеку».

Дорхан первое время отмалчивался или отвечал односложно: «Долго.», «Нет, драконов не видел.», «Приёмы – не для показухи.»

Но упорство девушки и её искренний, неподдельный интерес понемногу растопили лёд его воинской сдержанности. В конце концов, когда они остановились у ручья пополнить запасы воды, он с коротким вздохом обернулся к ней.

– Ладно. Смотри.

Он не взял меч. Вместо этого он подобрал с земли две палки примерно одинаковой длины и толщины. Одну протянул Руна.

– Основа – это стойка. Ноги на ширине плеч, одна чуть впереди. Колени полусогнуты. Ты не деревянная, ты – пружина.

Он показал, и его собственная поза, даже с простой палкой в руках, мгновенно преобразилась – она стала собранной, готовой к движению в любую секунду.

– Попробуй ударить меня.

Руна, сконцентрировавшись, сделала неуверенный выпад. Дорхан едва заметным движением палки парировал удар и мягко ткнул её в грудь.

– Видишь? Сила – ничто без равновесия. И без понимания, куда эта сила направится.

Миатери, наблюдая за этим импровизированным уроком с небольшой улыбкой, впервые за долгое время почувствовала что-то похожее на покой. В этом простом моменте – между уставшим воином, любопытной девчушкой и запахом леса – был намёк на нормальную жизнь, которую они все когда-то вели и которую, возможно, однажды смогут вернуть.

Размышления Миатери разорвал низкий, угрожающий гул. Из-за деревьев, словно тени, возникли люди в потрёпанной одежде, с грубыми лицами и зазубренным оружием в руках. Они окружили путников со всех сторон, отрезая пути к отступлению.

Руна с пискom подбежала к матери, а Дорхан молниеносно выхватил меч, его усталость будто испарилась, уступив место боевой ярости. Его глаза метались, оценивая численность и вооружение противников – их было больше десятка.

И только Миатери осталась спокойна. Ледяное, без эмоциональное спокойствие опустилось на неё, словно щит. Она медленно подняла голову, и её красные от недосыпа глаза холодно оглядели главаря – коренастого мужчину со шрамом через глаз.

– Чё нада? – спросила она ровным, лишённым всякого страха голосом.

В ходе короткого, грубого разговора всё стало ясно. Это были не просто голодные беглецы. Это были отпетые разбойники. И они не собирались никого отпускать. Их план был прост и мерзок: Дорхана и Силию – убить, как ненужных стариков. А Миатери и Руну – молодых, крепких – продать работоторговцам, что промышляли в этих краях.

Слова повисли в воздухе, отвратительные и неоспоримые. Дорхан приготовился к последнему, отчаянному бою.

Но Миатери уже думала. Не как испуганная девушка, а как тактик. Как оружие. Она видела их голодные, жадные взгляды, слышала их похабные смешки. И в её душе что-то щёлкнуло. Щит из отчаяния и вины, что она выстраивала все эти часы, превратился в лезвие.

Она не стала говорить. Она действовала.

Её руки поднялись, и первое заклинание вырвалось наружу без единого звука. Из-под ног разбойников выросли тёмные, вязкие тени, обвивая их ноги, руки, сковывая движения, как смола. Они застыли на месте, их глаза округлились от шока и ужаса.

В лесу воцарилась тишина, нарушаемая лишь их попытками вырваться. Дорхан смотрел на Миатери, не понимая.

И тогда она произнесла второе заклинание. Шёпотом. Всего одно слово, вычитанное в гримуаре на странице, озаглавленной «Безмолвная Развязка».

Это не был огненный шар или удар молнии. Это было нечто иное. Невидимая волна магии, холодной и безжалостной, прошла через скованных разбойников. Их борьба прекратилась. Один за другим они беззвучно оседали на землю, их глаза стекленели, жизнь уходила из них без единой раны, без крика, без последнего вздоха. Просто... прекращалась.

Через несколько секунд в лесу снова пели птицы. А вокруг них, в гротескных, застывших позах, лежали бездыханные тела.

Миатери опустила руки. Её собственное дыхание было ровным. Она посмотрела на Дорхана, затем на перепуганные лица Руны и Силии, и, наконец, на свои ладони.

Она не чувствовала триумфа. Не чувствовала и ужаса. Лишь пустоту. Она только что не просто защитила их. Она не просто убила. Она приняла решение – кто будет жить, а кто умрёт. И это решение далось ей слишком легко. Слишком спокойно.

Гримуар лежал в её сумке. Он был не просто книгой знаний. Он был дверью. И она только что сделала первый, необратимый шаг внутрь.

Наступила звенящая тишина, нарушаемая лишь тяжёлым дыханием Руны и Силии. Они с ужасом смотрели на неподвижные тела, затем на Миатери, чьё лицо оставалось каменным и нечитаемым.

Дорхан первым нарушил молчание. Он медленно вложил меч в ножны, его взгляд скользнул по мёртвым разбойникам с холодной, профессиональной оценкой, без тени сожаления.

– Нужно позаимствовать у них самое полезное – произнёс он глухо, его голос вернул всех к суровой действительности.

– Деньги и припасы. Без этого нам не выжить.

Он сделал первый шаг, подошёл к ближайшему телу и без лишних эмоций начал обыскивать карманы. Его движения были быстрыми и эффективными.

Руна смотрела на него с отвращением.

– Мы будем... грабить мёртвых? – прошептала она.

– Мы будем выживать, дитя. – не глядя на неё, ответил Дорхан, доставая потрёпанный кошель.

– Они выбрали свой путь и свою судьбу. Их монеты могут купить нам еду и безопасность на день дальше. Их припасы – продлить наши жизни. Это не грабёж. Это трофеи.

Он бросил кошель в общую кучу начавшего формироваться снаряжения: несколько ножей получше, мешочек с сухарями, фляги с водой.

Миатери молча наблюдала за этим. Её первоначальное онемение начало медленно рассеиваться, сменяясь тяжёлым, давящим чувством в груди. Она смотрела на свои руки, которые только что вершили смерть, а теперь её сообщник спокойно обирал трупы. Это был новый, отталкивающий уровень их падения – или возвышения – в этой войне, которую они вели.

Она медленно подошла к главарю разбойников и, преодолевая внезапно нахлынувшее отвращение, наклонилась, чтобы снять с его пояса добротную кожаную сумку. Внутри, среди прочего хлама, лежала связка ключей и небольшая, но тяжёлая шкатулка.

Они не просто убили угрозу. Они взяли свою первую, добытую в кровавой схватке, добычу. И каждый взятый ими медяк, каждый кусок хлеба отныне будет напоминать им о цене, которую они были готовы заплатить, чтобы продолжать идти вперёд.

Продолжили свой путь они в тяжёлой, гнетущей тишине. Никто не решался заговорить. В воздухе витали призраки только что произошедшего: лёгкость, с которой Миатери обрушила магию, и практическая, безжалостная эффективность Дорхана. Даже Руна молчала, погружённая в свои мрачные мысли.

Под вечер, когда солнце начало клониться к вершинам деревьев, окрашивая небо в багровые тона, Дорхан, шедший впереди, внезапно замер и поднял руку, требуя остановиться. Он скользнул в кусты, его взгляд стал острым, цепким. Через мгновение он вернулся, его лицо было серьёзным.

– Лагерь. – тихо произнёс он.

– Разбойников. Больше, чем утром, на много. И не только мужчины.

Он жестом показал им двигаться тише, и они, крадучись, подобрались к опушке. В небольшой ложбине, скрытой от посторонних глаз, дымились костры. Стояло несколько повозок, были видны фигуры женщин и даже несколько детей, бегающих между палатками из грязного брезента. Это была не просто банда, а целое кочевье – община отверженных.

– Их человек шестьдесят, если не больше – без эмоций констатировал Дорхан, изучая дислокацию.

– Их дозорные, должно быть, сейчас в лесу. Они ещё не знают, что их товарищи не вернутся.

Он посмотрел на Миатери. Вопрос висел в воздухе между ними, тяжёлый и невысказанный.

Что будем делать?

Напасть первыми, пока у них есть элемент неожиданности? Миатери могла бы повторить своё заклинание, но здесь были женщины и дети. Пройти мимо и надеяться, что их не найдут? Но тогда они оставляют за спиной потенциальную угрозу, которая, обнаружив мёртвых, непременно пойдёт по их следу с жадой мести.

Решение Миатери утром было быстрым и безжалостным. Теперь же, глядя на этот лагерь с его примитивным, но всё же подобием жизни, её уверенность пошатнулась. Убивать в горячке боя – одно. Холоднокровно уничтожить целый лагерь, пусть и состоящий из негодяев, но где есть невинные, – это нечто иное.

Гримуар в её сумке словно потяжелел, напоминая о силе, что в её руках, и о страшной цене её применения.

– Я могу попробовать переманить их на нашу сторону – тихо сказала Миа.

Дорхан резко повернулся к ней, его брови поползли вверх.

– Ты с ума сошла? Это отбросы, убийцы и похитители!

– Они – люди, которых сделали такими голод и страх – парировала Миатери, и в её глазах загорелся тот самый огонь, что горел, когда она изучала книгу. Но теперь это был огонь не отчаяния, а расчёта.

– Посмотри на них, Дор! Повозки, дети... Они не просто кочуют и грабят. Они выживают. А Риз отнимает у людей последние способы выжить. Кто, как не они, поймёт, за что мы боремся?

Она указала на лагерь.

– У нас есть то, чего у них нет. Сила. Не просто магия, а цель. Мы можем предложить им не просто кусок хлеба, а шанс отомстить тому, кто довёл их до этой жизни. Шанс сражаться за что-то, а не просто выживать.

Её голос звучал с новой, почти пророческой уверенностью. Она видела не банду разбойников, а потенциальную армию. Первую искру сопротивления, которую можно раздуть.

– Это огромный риск – мрачно сказал Дорхан, но в его тоне уже не было категоричного отказа, а лишь трезвая оценка.

– Один неверный шаг, одно неверное слово – и они просто перережут нас, чтобы забрать наши вещи.

– Я знаю – согласилась Миатери.

– Поэтому мы не пойдём с пустыми руками. Мы пойдём с демонстрацией силы. Но не как угрозу... а как предложение.

Она посмотрела на свои руки, затем на Дорхана.

– Ты будешь моим щитом. А я... я буду голосом. Голосом, который говорит то, что они боятся сказать сами себе.

Это была авантюра, граничащая с безумием. Но в глазах Миатери Дорхан видел не безумие, а ту самую решимость, что заставила его когда-то последовать за ней. Она больше не была просто девушкой с гримуаром. Она становилась лидером. И её первый настоящий тест на лидерство ждал их в ложбине, у костров людей, у которых нечего было терять.

Обговорив план действий, они выдвинулись в сторону лагеря. Но не как просители, и не как скрывающиеся путники. Они шли с гордо поднятыми головами. Дорхан – на шаг позади и слева, его рука лежала на рукояти меча, а взгляд сканировал каждую тень, каждый силуэт. Он был её остриём и её щитом, молчаливым воплощением военной мощи.

А Миатери... Она шла впереди. Её плащ был сброшен на плечи, чтобы все видели, что её руки свободны, но её осанка, её твёрдый, безразличный взгляд говорили о силе куда более опасной, чем любое оружие. Она несла в себе ауру незыблемого спокойствия, которое могло в мгновение ока смениться уничтожающей бурей. Их заметили почти сразу. Раздался резкий свист, крики, и из-за повозок, из палаток, высыпали люди. Мужчины с ножами и топорами, женщины, хватающие детей и отталкивающие их за спину. В глазах – смесь злобы, страха и любопытства.

– Стой! Кто такие? Чего пришли? – выкрикнул коренастый мужчина с седыми всклокоченными волосами и лицом, изборождённым шрамами и морщинами. Он вышел вперёд, сжимая в руке тяжелый бердыш*.

*Бердыш – рубящее холодное оружие в виде топора с широким и длинным (40-100см) лезвием в форме полумесяца на высоком древке (свыше 2м)

Миатери остановилась в нескольких шагах от него, окинув взглядом собравшуюся толпу.

– Мы пришли поговорить с теми, кого король Риз лишил дома, семьи и будущего – её голос прозвучал на удивление громко и чётко, разносясь по всей ложбине.

– Мы пришли поговорить с теми, кому нечего терять.

В толпе пронёсся гул. Кто-то выругался, кто-то смотрел с недоверием.

– Красивые слова! – рыкнул старый воин.

– А на деле вы, наверное, королевские шпики!

– Если бы мы были шпиками – холодно парировала Миатери, – вы бы уже были мертвы. Как те, что выследили нас сегодня утром у Скалистого ручья.

Наступила мёртвая тишина. Все знали, кто ушёл в ту сторону и не вернулся.

– Это... ты? – кто-то прошептал сзади.

Миатери не ответила прямо. Вместо этого она медленно подняла руку. На её ладони, с тихим шипением, вспыхнуло и закрутилось небольшое вихревое пламя – не яркое и яростное, а тёмно-багровое, цвета запёкшейся крови. Оно было зловещим и гипнотическим.

– Король отнимает у вас последнее. Я же... я предлагаю вам шанс всё забрать обратно. Но для этого вам придётся перестать быть стаей шакалов, снующих по лесу. Вам придётся стать мечом.

Она сжала кулак, и пламя погасло, оставив в воздухе запах озона и всеобщее оцепенение.

– Я даю вам выбор. Присоединиться к нам и сражаться. Или остаться здесь и ждать, пока королевские охотники за головами не придут за вами. Решайте.

Она стояла, ожидая, а Дорхан за её спиной чувствовал, как каждое его волокно напряжено, готовое в любой миг выхватить меч. Исход их миссии висел на волоске.

Из толпы, с низким рыком, выступил громила больше двух метров роста. Его мышцы вздувались под грязной рубахой, а в руках он сжимал массивный двуручный топор, зазубренный от многочисленных стычек.

– Слишком много болтаешь, ведьма! – проревел он и, не дожидаясь ответа, с неожиданной для своих размеров скоростью ринулся вперёд.

Дорхан молниеносно шагнул навстречу, его меч встретил топор с оглушительным лязгом. Искры посыпались в сумеречный воздух. Удар был чудовищной силы. Ещё один, второй – и сталь старого меча Дорхана, уже изношенная в предыдущих боях, с треском лопнула пополам.

Отброшенный силой удара, Дорхан отступил на шаг, сжимая в руке обломок клинка. На его лице не было страха, лишь холодная ярость и готовность биться до конца даже голыми руками.

Но Миатери уже действовала.

Она не отступила, не вскрикнула. Её лицо оставалось каменной маской спокойствия. Она просто подняла руку, ладонью вверх, а затем медленно, с неумолимой силой, сжала пальцы в кулак.

И громила замер на полпути, готовясь для нового замаха. Его глаза выкатились от непонимания и ужаса. Невидимая, сокрушительная сила сжала его со всех сторон, как рука великана. Раздался отвратительный, влажный хруст – не один, а несколько, будто кто-то ломал сухие ветки. Его топор с грохотом упал на землю. Сам он, издав хриплый, пузырящийся стон, рухнул на колени, а затем и на землю, его тело неестественно выгнулось, конечности были сломаны в нескольких местах. Но грудь всё ещё поднималась в конвульсивных, прерывающихся вздохах. Она оставила его живым. Осознанно. Чтобы его агония была уроком для остальных.

В лагере воцарилась гробовая тишина, нарушаемая лишь хрипами поверженного великана. Миатери медленно опустила руку. Её ледяной взгляд скользнул по бледным, искажённым ужасом лицам разбойников.

– Кто ещё хочет убедиться в моей силе? – её голос прозвучал негромко, но отточенно и чётко, как лезвие, врезаюсь в сознание каждого. В нём не было ни злобы, ни торжества. Лишь холодный, неоспоримый факт.

Она сделала шаг вперёд, и толпа инстинктивно отпрянула.

– Я не предлагаю вам дружбу. Я предлагаю вам шанс. Шанс служить делу, которое сильнее вас. Сильнее вашего страха. Сильнее даже вашей смерти.

Она указала на сломанное тело у своих ног.

– Вы можете быть как он – сломанным оружием, выброшенным на свалку истории. Или... – её взгляд упал на обломок меча в руке Дорхана, – ...вы можете стать новым клинком в моих руках. Клином, что расколется трон Риза.

Она закончила и ждала, оставив их наедине со своим выбором и с тихими хрипами того, кто выбрал неправильно.

Все смотрели на неё с ужасом.

В глазах разбойников это был животный, примитивный страх перед непостижимой силой, что может сломать человека, как сухую ветку, одним лишь усилием мысли. Они видели не девушку, а воплощение стихии, божество разрушения, сошедшее с небес, чтобы судить их.

Но самый пронзительный взгляд был у Дорхана. Он смотрел на Миатери, и в его глазах читалась не просто тревога, а глубокий, внутренний холод. Он понимал. Разумом он понимал всё: необходимость демонстрации силы, важность безжалостного урока, стратегическую целесообразность её поступка. Она спасла им жизни, утвердила их авторитет, возможно, обеспечила им целую армию.

Но всё же... что-то пугало его в этой девочке.

Пугала не скорость, с которой она училась. Пугала не мощь её дара. Пугала та самая лёгкость.

Лёгкость, с которой её лицо оставалось каменным, когда кости хрустели под невидимым давлением. Лёгкость, с которой она оставила его в живых – не из милосердия, а для тактического устрашения. Лёгкость, с которой она переступила через ту грань, где заканчивается самозащита и начинается нечто иное. Холодная, расчётливая жестокость. Он смотрел на её профиль, освещённый заревом костров, и видел не ту юную девушку, что плакала над сломанным мечом в подzemелье. Он видел архитектора. Создателя, который оперировал человеческими судьбами и телами, как другие оперируют камнями и деревом. И он понимал, что связал свою судьбу с силой, которую, возможно, не в состоянии контролировать. Силой, которая могла спасти мир... но какой ценой?

Он молча подобрал обломок своего меча и спрятал его за пояс. Этот кусок сломанной стали был теперь символом. Символом того, что её сила превосходила всё, что он знал. И символом его новой роли – быть тенью при этой силе, её защитником и, возможно, единственным, кто осмелится бросить ей вызов, если это потребуется.

Он сделал шаг вперёд, встал рядом с ней, и его голос, грубый и не допускающий возражений, прорезал тишину:

– Вы слышали её. Выбор за вами. Но выбирайте быстро.

Он был с ней. Но в его сердце, рядом с верностью, теперь жил и крошечный, холодный червячок страха.

Сначала присел на одно колено старый воин с бердышом. Его взгляд был прикован к земле, спина согблена в немом признании превосходства. Затем, словно подхваченная невидимой волной, вся толпа – мужчины, женщины, даже подростки – склонились перед ней. Одни – в страхе, другие – в потрясении, третьи – с зарождающейся в глазах фанатичной надеждой. Даже те, кто прятался в палатках, вышли и присоединились к общему порыву.

Тишина была оглушительной. В ней слышалось лишь потрескивание костров и прерывистый, хриплый стон сломанного громилы – живое напоминание о цене неповиновения.

Они склонились не перед Дорханом, не перед его воинской доблестью. Они склонились перед силой. Перед той, что говорила с ними на языке, который они понимали лучше всего – на языке безжалостной власти.

Миатери стояла, принимая их поклон. Её лицо оставалось невозмутимым, но в глубине глаз, куда не мог заглянуть никто, кроме неё самой, бушевали противоречивые чувства. Горькое удовлетворение от успеха. Тяжёлый груз ответственности. И леденящая душу ясность: чтобы вести этих людей, ей придётся всегда оставаться такой – холодной, неумолимой, почти нечеловечной.

Она медленно подняла руку, и все замерли в ожидании её первого приказа.

– Поднимите его – её голос, ровный и властный, прорезал тишину. Она кивнула в сторону искалеченного великана.

– Отнесите к костру. Пусть травники сделают всё, что могут.

Это был расчётливый жест. Не милосердие, а политика. Она показала им свою мощь, теперь нужно было показать, что её справедливость не слепа. Те, кто служит, будут под защитой, даже если они ошиблись.

Затем она повернулась к старому воину.

– Как тебя зовут?

– Гром, госпожа – глухо ответил тот, не поднимая головы.

– Встань, Гром. Ты теперь мой старший здесь. Прикажи раздать еду. И принеси мне всё, что вы знаете о передвижениях королевских патрулей в этих землях.

Она говорила уже не как проситель, а как полководец, принимающий командование. Она повернулась и, не оглядываясь, направилась к самому большому костру, где её уже ждало грубо сколоченное сиденье, которое мгновенно превратилось в подобие трона.

Дорхан шёл за ней, его тень ложилась на землю перед ней. Он был её мечом и её щитом. Но в тот вечер, глядя на её спину, прямую и несущую неподъёмный груз новой власти, он понимал, что его главной задачей отныне было не просто защищать её от врагов. А наблюдать за той бездной, что открылась в ней, и быть готовым сделать невозможный выбор, если эта бездна начнёт поглощать ту девушку, которую он когда-то повёл из тюрьмы навстречу звёздам.

Она села. И все поняли: в лагере появилась новая власть. И имя ей было Миатери.

Спустя некоторое время, когда лагерь начал жить по новым, пока ещё неясным правилам, а Миатери сидела у костра, изучая принесённые Громом засаленные карты, к ней осторожно подошла Руна.

Девушка стояла, переминаясь с ноги на ногу, её глаза были полны смеси страха и прежней наивной настойчивости.

– Миатери? – тихо позвала она.

Миа медленно подняла взгляд от карт. Её лицо, освещённое пламенем, казалось высеченным из мрамора.

– Я... я хотела сказать спасибо. За то, что спасли нас с мамой тогда, от гоблинов... и... и сейчас. – Руна нервно обернулась, окинув взглядом лагерь, где теперь царила её подруга-волшебница.

Миатери молчала, давая ей говорить.

– И... я хочу помочь! – выпалила Руна, сжимая кулачки.

– Я не могу колдовать как ты, и не сильна как Дорхан... но я быстрая! И я хорошо знаю леса здесь. Могу быть разведчицей! Или... или что-то ещё!

В её голосе звучала отчаянная попытка вернуть ту связь, что была между ними до того, как Миатери стала «госпожой», до хруста ломающихся костей. Она видела в Миатери всё ту же девушку, с которой они делили привал у ручья.

Миатери смотрела на неё несколько секунд, и в её ледяном взгляде, казалось, что-то дрогнуло. Руна была живым напоминанием о том, что они защищали. О простой, хрупкой жизни, которая должна была продолжаться.

– Ты будешь учиться. – наконец сказала Миатери, и её голос прозвучал чуть мягче.

– Не только владеть мечом. Ты будешь учиться читать знаки леса, слушать ветер и запоминать каждую тропу. Твои глаза и уши станут моими впереди.

Она снова посмотрела на карту.

– А сейчас иди к матери. Помоги ей с травами. Её знания сейчас нужны многим здесь.

Это было не теплое одобрение подруги, а приказ командира, но в нём было место для Руны. В этой новой, жёсткой реальности, которую создавала Миатери, она оставляла маленький островок для тех, кому доверяла.

Руна кивнула, чуть более уверенно, и убежала. А Миатери снова погрузилась в изучение карт, но теперь уголки её губ были чуть менее напряжены. Даже трон, даже абсолютная власть нуждались в чём-то настоящем, что напоминало бы, ради чего всё это затевалось.

Поздно ночью, когда лагерь погрузился в тревожный сон, Миатери наконец вошла в просторную палатку, выделенную им Громом. Дорхан, Руна и Силия уже были внутри. Воздух был густым от невысказанных мыслей.

Ничего не говоря, Миатери провела рукой по входу. Тень от полога сгустилась, стала непроницаемой и плотной, поглотив все звуки извне. Теневой барьер. На всякий случай.

И тогда, когда последняя щель была запечатана, а они остались в полной безопасности и полной изоляции, с Миатери случилось то, чего никто не ожидал.

Она стояла у небольшого очага, вырытого в центре палатки, и её спина, всё ещё державшаяся с железной выправкой, вдруг сгорбилась. Она схватилась за лицо обеими руками, её пальцы впились в кожу, будто пытаясь сорвать маску.

Сначала это был просто сдавленный стон, вырвавшийся вопреки её воле. Потом её плечи затряслись. Она не рыдала, нет. Это были беззвучные, сухие спазмы, от которых перехватывало дыхание.

– Я не могу... – вырвалось у неё сквозь пальцы, голос был искажён до неузнаваемости – хриплый, полный боли и ужаса.

– Я чувствую... его кости. Этот хруст. Он... он всё ещё у меня в пальцах.

Она опустила руки, и в свете огня Дорхан и остальные увидели её лицо – не лицо безжалостной предводительницы, а лицо испуганной, измученной девочки. По её щекам текли беззвучные слёзы.

– И их взгляды... они смотрят на меня как на монстра. И они правы. Я сломала человека, Дорхан! Я сломала его, как вещь! И это было... это было так легко.

Она смотрела на свои руки, словно впервые видя их.

– Какой ценой? Во что я превращаюсь, чтобы спасти этот мир? Может, Риз и прав? Может, магию и впрямь нужно уничтожить, если она делает такое с людьми?

Вся тяжесть дня, вся необходимость быть сильной, всё подавленное отвращение к самой себе – всё это вырвалось наружу в этом тихом, надломленном монологе. Она сбросила груз своей власти, и под ним оказалась всего лишь юная девушка, которая боялась тени, что она сама отбрасывала.

В палатке воцарилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием огня и её прерывистым дыханием. Дорхан смотрел на неё, и тот холодный страх, что поселился в нём ранее, растаял, сменившись жгучим пониманием. Она не была монстром. Она была человеком, который взял на себя ношу, способную сломать кого угодно. И её слёзы были доказательством того, что она всё ещё была в себе, где-то глубоко внутри.

В этой тишине все, кроме одной, легли спать. И пока лагерь спал, Миатери снова достала свой гримуар. Свет очага выхватывал из мрака её сосредоточенное лицо и страницы, испещрённые знаниями, за которые приходилось плакать, но без которых было не выжить.

На рассвете её не было в палатке. Теневой барьер был снят. Дорхан, проснувшись одним из первых, вышел и увидел её стоящей у грубого круглого стола, сколоченного из пней. Рядом с ней был Гром. Они что-то оживлённо, но тихо обсуждали, склонившись над разложенными картами.

– Для победы нам нужны союзники и сила – услышал Дорхан её голос, ровный и твёрдый, будто вчерашнего срыва и не было. – И первое, что я должна сделать – найти этот артефакт.

Она указывала на страницу гримуара, где был изображён странный предмет, похожий на зазубренный кристалл, пульсирующий зловещим светом. Под рисунком стояла подпись: «Око Бездны – видит истину в любом облики».

– Здесь, в Забытых пещерах – пробурчал Гром, тыкая толстым пальцем в одно из горных ущелий на карте. – Но туда никто не ходит. Говорят, там водятся... вещи похуже гоблинов.

– Меня это не остановит – отрезала Миатери. Она уже собиралась в поход. Через её плечо была перекинута лёгкая дорожная сумка, а у пояса висел короткий, отобранный у разбойников клинок.

Дорхан подошёл ближе.

– Я пойду с тобой.

Миатери повернулась к нему. В её глазах он увидел не упрямство, а холодную, стратегическую необходимость.

– Нет. Твоя задача – остаться здесь. Защищай Руну и её мать. Удерживай этот лагерь. Если мы оба уйдём, всё, что мы построили, развалится за день. Грому я доверяю командование, но только пока чувствует твою сталь за спиной.

Она положила руку на его плечо. Жест был не мягким, а весомым, как передача эстафеты.

– Ты – моя опора здесь, Дорхан. Ты – якорь, который не даст этому кораблю разбиться, пока я ищу паруса.

Она отступила на шаг, её взгляд был твёрд.

– Это приказ.

Не дав ему возможности возразить, она кивнула Грому, взвалила сумку на плечо и направилась к окраине лагеря. Она уходила одна в опасные земли, оставляя позади своё единственное убежище и самого верного человека, потому что так было нужно для их цели. Это был не побег от груза власти, а новое, более глубокое его принятие.

Руна, стоявшая неподалёку и с тревогой наблюдавшая за происходящим, не выдержала. Едва Миатери скрылась за поворотом тропы, она стрелой метнулась к Дорхану.

– Дорхан! – её голос дрожал от смеси страха и возмущения. – Ты просто отпустил её? Одну? Но она... она же не в себе! После вчерашнего... И эти пещеры! Там же...

Она умолкла, не в силах выговорить все страхи, которые ходили среди разбойников о Забытых пещерах.

Дорхан медленно повернулся к ней. Его лицо было усталым, но непоколебимым. Он смотрел не на Руна, а в ту сторону, где исчезла Миатери.

– Она не «не в себе», девушка, – тихо, но твёрдо ответил он. – Она в себе как никогда. И это пугает куда больше.

Он наконец перевёл взгляд на Руна, и в его глазах она увидела не отцовскую нежность, а суровую ответственность воина, получившего приказ.

– Она не сбежала. Она пошла на задание. А моё задание – держать этот лагерь. И защищать вас. – Он положил тяжёлую руку на её плечо. – Она сильнее, чем ты думаешь. И не только магией. Теперь наша очередь быть сильными для неё. Поняла?

Руна хотела возразить, хотела кричать, что это неправильно, но под его пронзительным взглядом её протест застрял в горле. Она лишь кивнула, сглотнув слёзы.

– Хорошо, – прошептала она. – А что будем делать?

Дорхан окинул взглядом просыпающийся лагерь – полный недоверчивых, испуганных и опасных людей.

– Мы сделаем то, что умеем. Ты и твоя мать – будете лечить и запасать провизию. А я... – его взгляд стал острым, как обломок его меча, – ...научу этих оборванцев сражаться не как бандиты, а как армия. Чтобы, когда она вернётся, у неё было чем командовать.

Он развернулся и пошёл к центру лагеря, его фигура снова обрела ту несокрушимую осанку капитана королевской гвардии. Миатери ушла добывать магическую силу. Его же работой была сталь, дисциплина и воля. И он не собирался подводить.

Руна подошла к матери, всё ещё не в силах унять дрожь в руках. Силия, видя бледное лицо дочери, молча обняла её.

– Я боюсь, мама... – прошептала Руна, уткнувшись в её плечо. – Всё так быстро изменилось. Эта сила... она...

– Она ужасна. – тихо закончила Силия, глядя её по волосам. – Но она же и спасла нас. И сейчас она – единственное, что стоит между нами и королём, который сжёт бы наш дом

за подозрение в колдовстве. Мир больше не делится на хорошее и плохое, дочка. Только на необходимое и нет.

Собрав травы и целебные мази, они вышли из палатки и направились к импровизированному медпункту, разбитому у дальнего костра. Там, на грубых носилках, лежал громила. Его могучее тело было обездвижено, лицо залито потом, а из горла вырывались сдавленные стоны. Воздух вокруг него был густым от запаха боли и отваров.

Силия, не колеблясь, опустилась рядом с ним на колени. Её пальцы, ловкие и опытные, осторожно ощупали неестественно выгнутые конечности.

– Обе руки, три ребра, ключица, вся правая нога, коленный сустав... и таз. – безразличным, диагностическим тоном перечислила она, поворачиваясь к Руне. – Поддай мне кору ивы и красный папоротник. И много бинтов.

Руна, стараясь не смотреть на искажённое болью лицо мужчины, подала матери необходимое. Пока Силия готовила обезболивающий отвар, громила открыл глаза. Его взгляд, мутный от страдания, упал на Руну.

– Дьявол... ваша госпожа... – прохрипел он.

– Молчи и пей. – строго оборвала его Силия, поднося к его губам деревянную чашу. – Если бы ты не выпячивал свои мускулы, был бы цел. Ты сам полез на меч, который острее твоего топора.

Он с ненавистью посмотрел на неё, но жадно проглотил отвар. Через несколько минут его стоны стали тише, а веки тяжелее.

Руна смотрела на эту сцену, и её собственный страх понемногу отступал, сменяясь странным пониманием. Её мать, всегда такая добрая и мягкая, сейчас говорила с тем, кого все боялись, как с непослушным ребёнком. И была права. В этом новом мире жестокости, простые, суровые истины значили больше, чем красивые слова.

– Он выживет? – тихо спросила она.

– Кости срастутся. Двигаться будет, но прежним бойцом ему уже не быть. – так же тихо ответила Силия, закрепляя шину. – И это, возможно, спасло ему жизнь. В следующий раз Миатери могла бы и не оставить его дышать.

Она посмотрела на дочь, и в её глазах читалась та же усталая мудрость, что и у Дорхана.

– Запомни, дочка. Сила – это не только в магии или в мускулах. Она – вот здесь... – она приложила руку к своей груди, а затем к виску Руны. – В умении делать то, что нужно, даже когда страшно. Сейчас наше дело – лечить. Даже тех, кто этого не заслужил. Потому что мы – не они. И никогда не должны ими стать.

Миа шагала по лесу в направлении пещер. С каждым шагом, уносившим её всё дальше от лагеря, с её плеч будто спадала невидимая железная маска. Здесь, в безмолвном царстве деревьев, ей не нужно было быть грозной предводительницей, «госпожой», вещающей с тенистого трона.

Её саму пугала её новая сила.

Она изучила гримуар от, а до я. Не просто прочитала – пропустила через себя, впитала, как губка. Скрещивание магий, барьеры, стихийные силы – всё это теперь было частью её, сплетаясь в единый, пугающий инструментарий. И сейчас, в уединении леса, она не могла удержаться.

– Никто не видит – шептала она сама себе, будто оправдываясь. – Бояться нечего.

Она на ходу щёлкнула пальцами. Вместо привычного огня между ними вспыхнула и закрутилась маленькая воронка из листьев и пыли, увенчанная крошечной искоркой молнии. Воздух и электричество. Вихрь просуществовал секунду и рассыпался.

Она остановилась, провела рукой по коре старого дуба. Под её пальцами мох на мгновение позеленел и стал гуще, а затем снова поблёк. Иллюзия жизни, позаимствованная у тени. Дерево будто вздрогнуло.

Она сжала кулак, и перед ней, с лёгким шелестом, встала невидимая стена. Она бросила в неё сосновую шишку – та отскочила, будто от ударились о камень. Барьер, сплетённый из воли.

С каждым экспериментом её глаза загорались смесью восторга и леденящего ужаса. Это было потрясающе. Это было отвратительно. Она играла с фундаментальными силами мира, как ребёнок с кубиками, и каждый раз её «кубики» могли обрушить всё вокруг.

– Так вот каким ты был, Элиан? – прошептала она, обращаясь к призраку архимага. – Ты тоже чувствовал этот восторг? Этот страх? И это... это свело тебя с ума?

Она шла дальше, и тени леса сгущались, будто прислушиваясь к ней. Она была одна, но не одинока – её окружали силы, которые она едва начала понимать, и призраки знаний, которые могли как спасти, так и погубить её. И где-то впереди, в Забытых пещерах, её ждал артефакт, обещавший ещё большую силу. Силу, за которую, она чувствовала, придётся заплатить ещё более высокую цену.

Пройдя до полудня, Миа решила немного передохнуть. Она свернула с тропы и нашла укрытие под разлапистой елью, чьи нижние ветви, густо поросшие хвоей, свисали до самой земли, образуя тёмный, уединённый шатёр. Внутри царил прохладный полумрак и пахло смолой и вековой тишиной.

Здесь, полностью скрытая от назойливого мира, она могла, наконец, выдохнуть. Сбросив сумку, она устроилась на мягком ковре из опавшей хвои.

Ритуал приготовления чая стал для неё небольшим, успокаивающим заклинанием. Она протянула руку, и капли влаги из воздуха и мха собрались в парящую над её ладонью сферу чистой воды. Лёгким движением она перелила её в походную кружку. Затем щелчком пальцев под дном кружки вспыхнуло маленькое, сконцентрированное пламя – не дикое и яростное, а послушное и ровное, которое ровно через минуту погасло само собой, оставив воду бурно кипеть.

Достав из сумки маленький мешочек, она шепоткой бросила в воду трав – ароматные листья бергамота, которые Руна тайком сунула ей в дороге, и ещё чего-то неясного, тёмного и горьковатого, взятого из запасов разбойников. Настой быстро приобрёл насыщенный цвет.

Она обхватила кружку ладонями, чувствуя её тепло, и сделала первый глоток. На вкус это было... странно. Цитрусовая свежесть бергамота смешивалась с чудной, почти дымной горечью незнакомой травы, создавая сложный, бодрящий и немного тревожный букет. На мгновение ей показалось, что краем глаза она уловила лёгкое движение в воздухе, тень, рождённую паром от чая.

Она сидела, прислушиваясь к шуму леса за своим личным укрытием, и пила чай, сваренный магией. В этом простом действии был весь её нынешний путь – смесь знакомого и чужого, света и тени, уюта и постоянной опасности. Это был чай, который могла приготовить только она. И это была судьба, которую могла нести только она.

Насладившись отдыхом, Миа начала собираться в путь. Она уже потянулась, чтобы раздвинуть ветви своего убежища, как вдруг замерла на месте, затаив дыхание. Прямо перед ней, в двадцати шагах, раздался оглушительный хруст веток, и из чащи на небольшую поляну выполз... огр.

Под три метра ростом, его кожа была землисто-серого цвета, покрытая буграми и шрамами. Огромный детина, от которого пахло потом и гнилым мясом, размахивал дубиной, сколоченной из цельного ствола молодого дерева. Вслед за ним, словно стая паразитов, высыпал отряд гоблинов – штук десять, с визгом и криками погоняя кого-то позади.

А позади, со скрипом и лязгом, катилась грубая повозка, запряжённая парой истощённых ящеров. И на ней болталась прочная деревянная клетка, в которой, прижавшись друг к другу,

сидели люди. Их одежды были порваны, лица запавшие и испуганные. Среди них Миатери заметила молодую женщину, прижимающую к груди ребёнка.

Сердце её заколотилось, но на этот раз не от страха, а от холодной, острой ярости. Работоворговцы. Те самые, которым, вероятно, планировали продать её и Руну. Идеальный довесок к её коллекции причин, по которым этот мир нуждался в очищении.

Мысли пронеслись со скоростью молнии. Атаковать? Огр силён, гоблинов много, можно попасть под удар или навлечь беду на пленников. Пройти мимо? Невозможно.

Решение пришло мгновенно, рождённое в горниле её недавних экспериментов и прочитанных страниц. Грубая сила была не нужна. Нужна была хирургическая точность.

Она не стала выходить из укрытия. Она осталась в тени, под сенью ели, и закрыла глаза, сливаясь с окружающей магией. Её сознание потянулось к земле под ногами отряда.

Заклинание было не огненным и не ледяным. Оно было тихим и коварным. Магия земли. Преобразование.

Земля под ногами у гоблинов и прямо перед повозкой внезапно превратилась в глубокую, зыбкую трясины. Гоблины с визгом начали увязать по пояс, их крики стали ещё пронзительнее. Повозка с скрипом накренилась, одно колесо утонуло в грязи, и ящеры, издавая шипящие звуки, застряли.

Огр, с ревом обернувшись на хаос, тяжёлой поступью двинулся выручать своих приспешников. Именно этого она и ждала.

Её следующее заклинание было столь же беззвучным. Она не стала ломать ему кости. Вместо этого она сконцентрировалась на его дубине. Дерево было мёртвым, но когда-то оно жило. И в нём ещё оставался слабый отголосок памяти о жизни. Она обратилась к этой памяти, ускорив в локальной области время, заставив дерево пережить века гниения за мгновение.

Дубина в руках огра почернела, покрылась трещинами и с гнилостным хрустом рассыпалась в труху. Огр застыл в недоумении, разглядывая свой пустой кулак.

В этот момент Миатери, наконец, вышла из укрытия. Она не бежала, не кричала. Она просто шла по направлению к повозке, её взгляд был прикован к замку на клетке. Её пальцы снова сомкнулись в жесте, на сей раз – знакомом и отработанном. Замок, скованный её магией, с громким щелчком растянулся.

Она стояла перед освобождёнными пленниками, а позади неё бушевала обессиленная ярость огра и паника гоблинов. Она даже не обернулась. Её сила была теперь иного порядка.

Она дождалась, когда все перепуганные люди выберутся из клетки. Они столпились вокруг неё, глаза полные слез, благодарности и вопроса. Молодая женщина, которую Миа заметила первой, сделала шаг вперёд.

– Мы... мы вам обязаны жизнью. Кто вы? – её голос дрожал.

Но Миатери уже смотрела на одного из мужчин, самого крепкого, с перевязанной окровавленной тряпкой рукой.

– Что произошло? – спросила она, и в её голосе прозвучала не просьба, а требование. Она должна была знать.

Парень, стараясь держаться стойко, начал рассказ:

– Неделю назад... королевские стражники в красных плащах ворвались в нашу деревню, Гордич. Они всё крушили, переворачивали, искали кого-то... Говорили, что из крепости Риза сбежали опасные преступники.

Сердце Миатери ёкнуло. Гордич! Её родное село снова подверглось нападению Риза. И в этот раз они искали их с Дорханом.

– У нас почти ничего не осталось. – продолжил парень. – И основная группа, почти все мужчины, ушли в лес на поиски еды. Мы набрали на поляну, усеянную трупами гоблинов...

Миатери вспомнила свою первую битву, ту, что привела к ней Руну и Силию. Это были те самые гоблины?

– ...и в тот самый момент из чащи вышла вторая группа. Мы отбились, но... многие были ранены. А наши травницы... – Голос парня дрогнул. – Они ушли пополнять припасы и не вернулись. Лечить было некому.

– Как звали тех травниц? – перебила его Миатери, уже зная ответ, но нуждаясь в подтверждении.

– Силия и её дочь, Руна

Как она и думала. Судьба снова свела их пути, сплетая в один клубок.

– Когда наш отряд, израненный, вернулся в деревню – голос рассказчика стал совсем тихим, – работорговцы уже были там. Они легко справились с нами... и погрузили всех, кто мог держаться на ногах, в повозки.

Миатери стояла неподвижно, но внутри неё всё закипало. Её родное селение, её люди... они страдали из-за неё. Из-за её побега. Чувство вины, острое и жгучее, смешалось с леденящей яростью. Король Риз не просто охотился на неё. Он выжигал землю, по которой она ступала.

Она посмотрела на этих людей – измождённых, потерявших всё. И она увидела не обузу, а новую возможность. Новых последователей.

– Силия и Руна живы – объявила она, и её голос прозвучал с новой, металлической твёрдостью. – Они в безопасности. И я знаю, где.

В глазах людей вспыхнула надежда, яркая, как факел в ночи.

– Я веду вас к ним. Но путь будет опасным. И тем из вас, кто возьмёт в руки оружие, придётся сражаться. Не за себя, а за тех, кто слабее. За ваш дом, который у вас отняли.

Она обвела взглядом их лица, вновь становясь той «госпожой», чьё слово – закон.

– Решайте сейчас. Идти со мной – или остаться здесь на милость леса и работорговцев.

Она не сомневалась в их выборе. Она давала им не просто спасение. Она давала им шанс на месть. И в её глазах горело понимание, что её маленький отряд беглецов вот-вот превратится во что-то большее. В начало армии.

От своей миссии Миа не отказалась. Идти к пещерам с толпой измождённых и необученных людей было бы безумием. Но и бросать их здесь она не могла.

Закрыв глаза, она снова сосредоточилась. На этот раз её магия была не разрушительной и не преобразующей, а... ориентирующей. Она сжала в кулаке обычный речной камень, вкладывая в него часть своей воли, закрепляя в нём образ этого места – гигантской ели, запаха хвои, ощущения покоя. Камень на мгновение вспыхнул тусклым синим светом, а затем погас, став ничем не примечательным, кроме лёгкого магического резонанса, который чувствовала только она.

Камень-маяк. Она бросила его под тень уже полюбившейся ей ели. Теперь она сможет в любой момент вернуться сюда и продолжить путь к Забытым пещерам.

Затем её взгляд упал на оглушённых, но живых врагов. Уничтожить их было бы просто. Но просто – не всегда значит разумно. Ещё одно заклинание, на сей раз – сковывающее. Невидимые путы из сгущённого воздуха опутали силуэт огра и гоблинов. Они пригодятся. Мощная рабочая сила или... пушечное мясо для будущих сражений. Даже ящеры, шипящие от страха, были взяты под контроль – короткий ментальный импульс заставил их покориться.

– Выступаем. – бросила она своим новым подопечным, указывая рукой в направлении лагеря. – Держитесь вместе. Раненые – в центре.

Путь обратно прошёл без происшествий. Её аура, полная мощи и решимости, казалось, отпугивала всех лесных тварей. Люди шли за ней, глядя на её спину с благоговейным страхом

и надеждой. Она была не просто спасительницей. Она была их проводником в новый, жестокий мир, где выживали только сильные и те, кто шёл за сильными.

А в её сумке лежал камень, который вёл её к другой цели – к силе, что могла переломить ход войны. Одна миссия была временно отложена, но не забыта. Теперь у неё была армия, которую нужно было собрать, и артефакт, который нужно было найти. И она была полна решимости получить и то, и другое.

На подходе к воротам лагеря, сделанным из заострённых брёвен, их встретил перепуганный до смерти молодой стражник. Увидев огромного огра, скованного невидимыми путами, и толпу оборванцев, он в ужасе отшатнулся, его лук дрогнул в руках. Раздался неприятный щелчок тетивы, и стрела, выпущенная неловко и без прицела, вонзилась в землю у самых ног Миатери.

Её отряд мгновенно остановился, люди вжали головы в плечи. Из-за частокола тут же поднялся шум и тревога, слышались крики и бряцание оружия.

Но прежде чем ситуация вышла из-под контроля, у ворот возникла мощная фигура Дорхана. Его голос, громовой и властный, прорезал хаос:

– Оружие убрать! На места! Это свои!

Его одного приказа хватило, чтобы стражники опустили луки, хотя их глаза по-прежнему были полны ужаса при виде огра. Дорхан вышел навстречу Миатери, его взгляд скользнул по скованным пленникам, по измождённым людям, и наконец остановился на ней.

– Устроила себе свиту покруче королевской. – бросил он сухо, но в его глазах читалось не осуждение, а скорее усталое принятие неизбежного.

– Это выжившие из Гордича, Дорхан. – тихо ответила она, переступая через валяющуюся стрелу. – Моё селение. Их разорили стражники Риза, искавшие нас. А потом взяли в рабство.

Её слова, прозвучавшие, когда они уже входили в лагерь, заставили многих из бывших разбойников замереть. Они смотрели на этих новых людей с новым пониманием – не как на добычу, а как на таких же жертв.

– Пленных взять под стражу! – скомандовал Дорхан, указывая на огра и гоблинов. Несколько человек, преодолевая страх, взяли их под контроль. — Раненых – в медчасть к Силе! Быстро!

Лагерь закипел деятельностью. Выживших из Гордича повели к кострам, чтобы накормить и напоить. Миатери стояла рядом с Дорханом, наблюдая, как две группы изгоев – одни по воле обстоятельств, другие по выбору – начинают смешиваться.

– Артефакт? – коротко спросил Дорхан.

– Ждёт. Сначала нужно укрепить то, что у нас есть – ответила она, глядя, как Руна с криком бросается к одному из выживших, узнавая соседа. – Теперь у нас есть не просто банда. У нас есть народ, Дорхан. И за него придётся сражаться.

Его молчаливый кивок был красноречивее любых слов. Игра была окончена. Начиналась война.

Смятение в лагере утихло, новые люди были накормлены и размещены, а пленные надежно заперты. Убедившись, что Дорхан держит ситуацию под контролем, Миатери отошла в сторону от посторонних глаз, в тень своего шатра.

Она закрыла глаза, отбросив звуки лагеря, и сосредоточилась. В её сознании всплыл образ: гигантская ель, запах хвои, ощущение уединённого покоя. Она почувствовала в руке воображаемый вес камня-маяка, его тусклый, но устойчивый резонанс, зовущий её назад.

Это было не похоже на грубое телепортирование, описанное в сказках. Скорее, мир вокруг неё поплыл, краски растворились в серой мгле, а затем так же плавно собрались вновь. Воздух ударил в лицо прохладой и знакомым хвойным ароматом. Лёгкое головокружение тут же прошло.

Она стояла на том же самом месте. Тихо. Ничего не изменилось. Только на земле, у её ног, лежал тот самый камень, всё так же испускающий незримую нить, связывающую её с этим местом.

Она была одна. Снова. Но на этот раз её одиночество было иным. Оно не было пустым. Оно было наполнено целью. Она оставила позади зарождающееся войско, доверив его своему самому верному воину. Теперь её задача была иной – найти силу, способную это войско превратить в реальную угрозу трону.

Поправив сумку на плече, Миатери твёрдым шагом двинулась вглубь леса, по направлению к Забытым пещерам. Путь был долгим, и тени сгущались, но внутри неё горела новая уверенность. Она была не просто беглянкой. Она была искрой, искавшей горючее для будущего пожара.

Ей понравился артефакт, что она сделала. Лёгкое головокружение было ничтожной платой за мгновенное перемещение на многие часы пути. Хотя она и не была уверена, что он сработает – он сработал. Это маленькое, но значимое достижение наполнило её чувством власти над пространством, куда более острым, чем власть над людьми.

– Нужно будет наделать ещё таких камней. – подумала она, уже представляя сеть маяков, связывающих ключевые точки будущего театра военных действий. Лагерь... Гордич... может, даже окрестности замка Риза...

Но сейчас её мысли были прикованы к одной-единственной точке. Приближаясь к отметке на карте, что поставил Гром, она учуяла запах. Сначала это была просто сырость, знакомая влажность старого леса. Но вскоре к ней примешалось нечто иное – тяжёлый, затхлый смрад, напоминающий смесь гниющего мяса, плесени и чего-то металлического, почти электрического. Воздух стал густым и неприятным для дыхания.

Лес вокруг изменился. Деревья стали чахлыми, их стволы покрылись странными чёрными наростами, похожими на лишайник, но пульсирующими с едва заметным мерзким ритмом. Земля под ногами превратилась в вязкую грязь, и трава здесь не росла. Казалось, сама жизнь отступала от этого места, оставляя после себя нечто болезненное и искажённое.

Где-то впереди, в нависающем скалистом склоне, зиял чёрный провал – вход в Забытые пещеры. Оттуда и исходил этот смрад. Это было не просто логово чудовищ. Это было место, отравленное магией, искажённой и вывернутой наизнанку.

Миатери остановилась, её рука непроизвольно легла на рукоять короткого меча. Её собственная магия, всегда бывшая частью живого мира, здесь встревоженно замерла, будто наткнувшись на ядовитый туман.

Она сделала глубокий вдох, игнорируя тошнотворный запах. Страх был, но его затмевало жгучее любопытство и та самая стальная воля, что заставила её когда-то дать клятву мести.

– Око Бездны... – прошептала она, вглядываясь в тёмный зев пещеры. – Покажи мне свою истину.

И с этими словами, сотворив на ладони, готовое вспыхнуть, защитное пламя, чтобы не выдать себя раньше времени, она шагнула вперёд, во тьму.

Первые пару шагов длились с неким энтузиазмом. Любопытство исследователя, азарт охотника за сокровищами гнали её вперёд. Но как только отблеск дневного света окончательно пропал, осталась лишь абсолютная, давящая тьма, которую не мог рассеять даже её магический огонёк, сжимавшийся до размеров свечи.

Ужас и интерес начали туманить сознание Миатери. Это была не тихая тьма леса, а живая, враждебная пустота, которая, казалось, дышала ей в затылок. Шёпот сомнений нашептывал ей вернуться, пока не поздно. Но она уже откинула их, вместе со страхом, в дальний угол разума. Она продолжала идти, её шаги отдавались эхом в зловещей тишине.

На её пути ничего и никого не было, только тьма, окутывающая стены пещер, покрытые тем же пульсирующим чёрным лишайником. Пройдя вглубь по узкому коридору, Миатери

наткнулась на просторный зал. И здесь тьма отступила – его стены испускали тусклое, фосфоресцирующее свечение, освещая жуткую картину.

По залу бродили скелеты. Не просто кости, а живые, движущиеся. Их глазницы полыхали зелёным огнём, а пальцы сжимали ржавое оружие. Неупокоенные. Стражи этого места.

Как только их взоры – вернее, горящие точки в пустых глазницах – упали на девушку, они разом, с сухим скрежетом костей, кинулись в атаку. Их было много, десятки, и их молчаливая ярость заполнила зал.

Но для неё они не представляли проблем. Больше нет.

В её памяти всплыли страницы гримуара, посвящённые некромантии и природе нежити. Эти существа держались на остатках чужой воли, на клочке чужой души, вплетённой в их кости.

Она не стала метать в них огненные шары или молнии. Вместо этого она подняла руку, и её воля, острая и безжалостная, как скальпель, пронзила зал. Она не атаковала их кости. Она атаковала саму магическую нить, что связывала их с этим миром.

– Успокойтесь – прошептала она.

И скелеты... просто рассыпались. Один за другим. Их зелёные огоньки погасли с тихим шипением, словно задутые невидимым ветром. Кости падали на каменный пол с сухим, чистым стуком, превращаясь в беспорядочные груды. Ни взрывов, ни боя – лишь тихое, абсолютное отрицание их существования.

Через несколько секунд в зале снова воцарилась тишина. Миатери стояла среди груды костей, её грудь вздымалась от напряжения, но на лице не было и тени триумфа. Было понимание. Она только что не уничтожила врагов. Она отменила их.

Это была сила иного порядка. И она чувствовала, что это лишь начало. Где-то впереди, в самых глубоких недрах этой проклятой пещеры, её ждало Око Бездны. И оно, должно быть, уже чувствовало её приближение.

Продолжив идти, она набрела на нечто неожиданное. Туннель вывел её в обширную, искусственно высеченную в скале галерею. По обеим сторонам тянулись ряды низких, похожих на кельи, помещений с провалившимися дверями. Это были бараки. Внутри ещё стояли грубые деревянные койки, истлевшие почти в труху, а в углах валялись сломанные инструменты и осколки глиняной посуды.

Здесь когда-то жили люди. Много людей.

Миатери медленно шла по центральному проходу, её шаги эхом отдавались в мёртвом пространстве. Она зашла в одну из «комнат», проводя пальцами по стене, покрытой вековой пылью.

– Интересно, что здесь делали раньше? В этом месте? – её шёпот был поглощён гнетущей тишиной. – И почему оно такое большое и заброшенное?

Это был не просто тайник и не логово чудовищ. Это было поселение. Или... тюрьма? Лагерь? Масштабы говорили о сотнях, если не тысячах, обитателей.

Её взгляд упал на странные отметины на каменном полу – не царапины, а словно вмятины от чего-то тяжёлого и круглого, что таскали туда-сюда. Она наклонилась и подняла с пола крошечный, почерневший от времени металлический обломок. Это была не часть оружия и не инструмент. Это выглядело как осколок сложного механизма.

Мысли работали лихорадочно. Гримуар Элиана Мелнара. Его исследования тёмной магии. Король Риз, уничтожающий магию. И это огромное, забытое подземное сооружение.

Что, если... это место как-то связано? Что, если это была не просто пещера, а лаборатория? Шахта? Место, где архимаг Рейгана, а потом, возможно, и сам Риз, ставили свои самые тёмные эксперименты? Может, именно здесь и были созданы первые Кристаллы Поглощения? Или нечто ещё более ужасное, что привело к нынешнему состоянию мира?

Тогда зловоние, искажённая магия и неупокоенные духи обретали новый, куда более злобный смысл. Это место не было просто проклятым. Оно было испорченным. Осквернённым какими-то давними, чудовищными деяниями.

И Око Бездны, этот артефакт, видящий «истину в любом облики», могло быть не просто инструментом силы, а ключом к пониманию. Ключом к прошлому, которое король Риз пытался стереть.

С новым, леденящим душу предчувствием, Миатери вышла из барачков и двинулась дальше, вглубь пещеры. Теперь она искала не просто силу. Она искала ответы.

Пройдя дальше, в самую глубь пещеры, она наткнулась на преграду, которая казалась непреодолимой. Огромная каменная дверь, идеально вписанная в скалу, преграждала путь. На её поверхности не было ни ручек, ни замочных скважин, только сложные, стёртые временем барельефы, изображавшие сплетающиеся вихри.

Инстинктивно, Миатери выбросила вперёд руку, выпустив сгусток чистой магической энергии. Но вместо того чтобы взорваться, поток силы бесшумно впитался в камень, как вода в песок. Дверь даже не дрогнула. Она попробовала снова – огненный шар, ледяной осколок, ударную волну. Результат был тем же. Магия просто всасывалась дверью, не оставляя и царапины. Казалось, сама дверь была гигантским, пассивным Кристаллом Поглощения.

Отчаяние начало подкрадываться к ней. Она была так близко! Но грубая сила явно не была решением.

Заставив себя успокоиться, она стала внимательно изучать помещение перед дверью. Оно было небольшим, почти кельей. И в самом тёмном углу, за слоем многолетней пыли, её взгляд выхватил слабый отсвет. Она наклонилась и отёрла пыль. Это была маленькая, не более ладони, каменная ручка, встроенная в стену. А в её центре тускло мерцал небольшой синий камень, почти полностью скрытый вековой грязью.

Он не был похож на другие камни. Он был гладким, отполированным и испускал едва уловимый резонанс, который отзывался в её собственной магии.

– Наполнить его маной... – Первое, что пришло ей в голову.

Это не было знанием из гримуара. Это была интуиция, чутьё, сродни тому, как она чувствовала живую магию леса. Эта дверь поглощала грубую силу. Но что, если ей нужен был не взлом, а... ключ?

Осторожно, почти с благоговением, она прикоснулась пальцами к синему камню. Закрыв глаза, она представила не бурный поток, а тонкую, ровную струйку своей энергии, текущую в камень, как вода наполняет кувшин.

Камень под её пальцами отозвался. Пыль на его поверхности осыпалась, и он загорелся изнутри мягким, чистым синим светом. Свет побежал по едва заметным прожилкам в камне, а затем по стене, достигая двери.

На поверхности массивной каменной плиты зажглись те же синие линии, повторяя узор барельефов. Раздался тихий, глубокий щелчок, словно встал на место невидимый замок огромных размеров.

И без единого звука, огромная дверь начала медленно отъезжать в сторону, открывая путь в следующую камеру. Она не сломала преграду. Она нашла ключ. И этот ключ говорил на языке изящной, контролируемой магии, а не грубой силы – урок, который Миатери запомнила надолго.

Войдя в дверь, помещение внутри мгновенно наполнилось мягким, рассеянным светом, исходящим от самих стен. Воздух здесь был другим – стерильным, сухим и без того смрада, что витал в остальных пещерах.

И по центру комнаты, на низком каменном пьедестале, стоял ОН.

Огромный каменный голем, вдвое выше человеческого роста. Его тело, высеченное из тёмного, отполированного до зеркального блеска базальта, было испещрено тончайшей паути-

ной трубочек и проводочков из блестящего, не тускнеющего металла. Они сходились и расходились, образуя сложные узоры на его груди, конечностях и массивной, безликой голове. Он не двигался. Не издавал звуков. Он просто БЫЛ, излучая ауру непостижимой древности и нечеловеческого совершенства.

– Что это?.. – выдохнула Миатери, медленно приближаясь. — Лаборатория? Или нечто непонятное? Старая магия?

Это не было творением некромантии или тёмного ритуала. Это выглядело как произведение инженерного искусства, доведённого до магического совершенства. Гримуар ничего не говорил о подобном.

Осторожно обойдя голема, она начала осматривать комнату. Стены были гладкими, без намёка на выход. Ни дверей, ни потайных ходов. Единственным объектом здесь был этот безмолвный страж.

Не обнаружив новой двери, она приступила к изучению окружения. Её взгляд скользил по стенам, полу, потолку. И тогда она заметила кое-что. На пьедестале, у ног голема, были высечены не символы, а... кнопки. Крошечные, почти незаметные углубления, расположенные в определённой последовательности. И рядом с ними – такие же едва видимые символы, напоминающие руны, но ей знакомые.

Она подняла взгляд на безликую голову голема. Что, если это не просто статуя? Что, если это механизм? Ключ? Может, он и есть «Око Бездны»? Или он – хранитель, контролирующий доступ к нему?

Её пальцы потянулись к кнопкам на пьедестале. Это могло быть опасно. Она могла разбудить его и быть атакованной. Или же... она могла активировать нечто, что прольёт свет на все тайны этого места.

Сердце её забилось чаще. Это была не битва, где побеждала грубая сила. Это была головоломка. И от её решения зависело, получит ли она доступ к силе, способной изменить ход войны, или навсегда останется запертой в этой камере вместе с безмолвным каменным исполином.

Пошарив в столах и тумбах, стоявших вдоль стен, Миатери нашла не сокровища, а нечто, возможно, более ценное – знания. Вернее, их обломки. Свитки истлели, рассыпаясь в прах при малейшем прикосновении, но несколько листов, записанных на более прочной, похожей на пергамент бумаге, уцелели. Это были непонятные записи, обрывки на истлевшей бумаге, странные графики и схемы, напоминавшие магические круги, но куда более сложные и геометричные.

Она осторожно разложила их на одном из столов, её взгляд жадно скользил по символам. Это был не язык заклинаний, а скорее... технические чертежи. Расчёты. Она узнала некоторые алхимические символы, обозначающие потоки маны, стабилизацию и преобразование энергии.

Один из самых сохранившихся листов был озаглавлен: «Протокол 7-Г: Синхронизация Матрицы Контроля». На схеме был изображён голем, а линии его «проводочков» были обозначены как «каналы управления». Внизу, мелким почерком, стояла подпись: «Э. Мелнар. Одобрено Его Величеством Рейганом I».

Сердце Миатери заколотилось. Элиан Мелнар. Архимаг. Здесь, в этой лаборатории, он работал над созданием големов. И не просто големов, а чего-то под названием «Матрица Контроля». И это было... одобрено королём? Старым, мудрым Рейганом?

Другой обрывок был менее понятен. На нём была изображена схема, напоминавшая Кристаллы Поглощения, но куда более сложная, с обратными связями и исходящими лучами. Запись гласила: «...стабилизатор вышел из строя... обратная связь... выброс чистой энергии привел к...» Дальше текст обрывался.

Третий лист был просто списком. Списком имён. И дат. И против каждого имени – отметка «Субъект проявил устойчивость» или «Субъект отвергнут. Подавление». Внизу стояла печать – не королевская, а личная печать Элиана Мелнара.

У Миатери перехватило дыхание. Она смотрела на безмолвного голема, а затем на эти бумаги. Это место не было просто лабораторией. Это был испытательный полигон. Элиан и король Рейган проводили здесь какие-то эксперименты. С людьми? С магией? Они пытались создать что-то – Матрицу Контроля. Что-то пошло не так. Произошёл «выброс».

И тогда её осенило. А что, если... Кристаллы Поглощения, которые теперь использует Риз, – это не его изобретение? Что, если это извращённая, упрощённая версия технологий его отца? Версия, лишённая всяких ограничителей и предназначенная не для создания, а только для уничтожения?

Она подошла к пьедесталу и снова посмотрела на кнопки. Это был не замок. Это была панель управления. И у неё в руках были инструкции. Обрывчатые, непонятные, но инструкции.

Она медленно протянула руку. Она должна была попробовать. Если этот голем был «Оком Бездны» или ключом к нему, то он мог показать ей не просто истину о настоящем, а истину о прошлом. О том, что на самом деле случилось с королём Рейганом, с Элианом Мелнаром, и что превратило Риза в того, кем он стал.

Робко нажав на одну из кнопок, Миатери вздрогнула, когда все они разом засветились слабым синим свечением, загораясь и гаснув в хаотичном, быстром порядке. Оно до сих пор работает! Древний механизм, пролежавший в забвении, быть может, десятилетия, всё ещё отвечал на её прикосновение.

Не понимая принципа работы устройства, охваченная азартом и отчаянием, Миа начала нажимать на подсвеченные кнопки в том же хаотичном порядке, в каком они загорались. Всё равно, если ничего не получится, я быстро выбегу в открытую дверь, – лихорадочно думала она, её пальцы порхали над пьедесталом.

Но что-то – определённая последовательность, случайная комбинация – сработало.

Внезапно всё вокруг загудело. Низкий, вибрирующий гул, исходящий из самых стен, наполнил комнату, заставляя каменный пол содрогаться под её ногами. Из огромных труб в стенах и тех, что поменьше, на самом големе, с шипением начал валить густой белый пар. Воздух наполнился запахом озона и раскалённого металла.

Механизм ожил!

– Нет! – вырвался у неё крик, когда она бросилась к выходу. Но было уже поздно. Массивная каменная дверь с оглушительным лязгом, хлестче любого приговора, захлопнулась, не оставляя путей для отхода. Они с големом были заперты в одной комнате.

И тогда он пошевелился.

Раздался скрежет камня о камень. Его массивная, безликая голова медленно повернулась в её сторону. Синие огоньки зажглись в тех местах, где должны были быть глаза. Трубочки и провода на его теле вспыхнули ярким, почти ослепляющим светом, и энергия с гудением побежала по ним, наполняя исполина силой.

Он сделал шаг вперёд с такой лёгкостью, которая казалась кощунственной для его каменной массы. Его огромная рука поднялась, и ладонь, способная раздавить её в лепёшку, раскрылась. Он не атаковал сразу. Он просто стоял, глядя на неё, и весь его вид говорил об одном – испытании.

Миатери отпрянула, прижимаясь спиной к холодной, гладкой стене. Пульс застучал в висках. Побег был отрезан. Грубая сила была бесполезна – её магия поглощалась дверью, и, возможно, сам голем был на это способен.

Но она не была той испуганной девушкой из подземелья. Она была ученицей Элиана Мелнара, пусть и невольной. Она видела схемы. Она знала, что это механизм.

Её взгляд метнулся к пьедесталу с кнопками. Они всё ещё светились. Это была не битва. Это был экзамен. И чтобы выжить, ей нужно было не сражаться, а найти правильный код. Пока этот каменный страж не решил, что она провалила тест.

Мысль пронеслась со скоростью молнии, опережая нависающую каменную ладонь. Схемы! Управление!

Миа, со скоростью ветра, отпрыгнула от голема и рванула к столу, где лежали старые пергаменты. Голем, не меняя выражения своего безликого «лица», развернулся и сделал ещё один тяжёлый, гулкий шаг в её сторону, сокращая дистанцию.

Её пальцы, дрожа от адреналина, схватили самый сохранившийся лист – «Протокол 7-Г: Синхронизация Матрицы Контроля». Она скользила взглядом по схемам, игнорируя скрежет приближающихся шагов. Её мозг работал на пределе, выискивая закономерность, ключ.

– Каналы управления... последовательность активации... – она бормотала, переводя взгляд с пергамента на пьедестал. Хаотично мигающие кнопки теперь не казались ей случайными. Это была проверка связи! Система ждала правильного отклика!

Голем поднял руку для удара. Времени не оставалось.

И тогда она увидела. На схеме было изображено ядро голема с исходящими лучами, и каждый луч был помечен руническим символом. А на пьедестале... она присмотрелась... крошечные, почти невидимые символы рядом с каждой кнопкой совпадали с рунами на схеме!

Это был не хаос. Это был тест на распознавание.

Запоминая последовательность с пергамента, она бросилась к пьедесталу. Огромная каменная рука уже опускалась на неё. Она не отпрянула. Вместо этого её пальцы побежали по кнопкам, нажимая их не в порядке подсветки, а в строгой последовательности, указанной на схеме: Стабилизация, Канал 1, Синхронизация, Матрица...

Она нажала последнюю кнопку.

Опускающаяся рука замерла в сантиметрах от её головы. Гулкий рокот голема сменился на ровный, низкий гул. Синее свечение в его «глазах» и проводах изменило цвет на спокойный зелёный.

Он медленно опустил руку и отступил на шаг, возвращаясь на свой пьедестал. Он снова замер, но теперь не как безмолвная статуя, а как страж, получивший команду «стоп».

Воздух вырвался из её лёгких одним сдавленным всхлипом. Она дрожала, опираясь о пьедестал. Это была не победа силой. Это была победа разумом. Она прошла тест Элиана Мелнара.

И в тот же миг, когда голем затих, в центре комнаты из ничего возникла проекция – голографическое изображение человека, частица души, некогда принадлежавшая архимагу. Элиан Мелнар. И он смотрел прямо на неё.

– Позволь мне узнать, кто ты и что здесь делаешь? – раздался спокойный, но полный неумолимой власти голос. Перед ней стояла проекция человека в белом халате, поверх старомодных одежд, с умными, усталыми глазами. Элиан Мелнар. И он смотрел прямо на неё, сквозь толщу лет.

– Я – проекция, записанная в последний день существования проекта «Око Бездны». Мой создатель, Элиан Мелнар, наделил меня последними фрагментами правды. Если ты видишь меня, значит, ты либо обладаешь ключом, либо обманула Страж-Голема. В любом случае, ты заслуживаешь ответов.

Миатери стояла, всё ещё пытаясь перевести дух, её сердце колотилось не только от недавней опасности, но и от благоговейного трепета.

– Я... Миатери, – выдохнула она. – Из Гордича. Я бежала от Риза.

Имя короля заставило тень пробежать по лицу проекции.

– Риз... – Элиан произнёс это имя с безграничной печалью. – Значит, худшее всё-таки случилось. Он обратил наследие отца против самого мира.

Проекция сделала шаг, вернее, её изображение сместилось, и позади неё возникла голографическая карта Элариона, испещрённая сияющими линиями магических потоков.

– «Око Бездны» никогда не было оружием. Оно было инструментом понимания. Попыткой стабилизировать магию, которая с некоторых пор стала... болеть. Истончаться. Король Рейган понимал – если магия умрёт, мир последует за ней. Мы искали лекарство.

Карта изменилась, показав чёрные, пульсирующие язвы на местах, где магия была особенно сильна.

– Но мы ошиблись в расчётах. Наш эксперимент по «перезапуску» магического поля вышел из-под контроля. Произошёл Разрыв. Эхо того катаклизма ты чувствуешь здесь, в этих пещерах. Это шрам на теле мира.

Элиан посмотрел на неё с интересом.

– Риз был с нами в тот день. Он видел, как сила, способная укрощать магию, вырвалась на свободу и убила его отца. Он не понял сути. Он увидел лишь орудие. И он захотел его. Когда я отказался воссоздать его, он объявил меня предателем.

Проекция стала мерцать.

– «Око Бездны» не спасёт мир, дитя. Но оно может показать тебе его болезнь. И, возможно, указать путь к истинному лекарству. Оно покажет тебе... Истоки. Но будь осторожна. Некоторые истины могут сокрушить разум. И помни... Риз не просто тиран. Он – сын, видевший смерть отца от рук величайшего ума королевства. Его ненависть... имеет корни.

Изображение Элиана начало распадаться на светящиеся частицы.

– Мир в твоих руках теперь, Миатери из Гордича. Не дай ему умереть. И... прости нас. Прости всех нас.

С этими словами проекция исчезла. А в центре комнаты, на пьедестале, парил небольшой, идеально огранённый кристалл, испускающий мягкое, глубокое сияние. Око Бездны. Оно не было грозным оружием. Оно было диагнозом и, возможно, надеждой.

И вся тяжесть этого знания обрушилась на плечи Миатери.

Миа подошла к кристаллу, её рука дрожала, но не от страха, а от предчувствия. Она протянула пальцы и коснулась гладкой, прохладной поверхности.

Мир взорвался.

Это не были видения в привычном смысле. Это было полное погружение. Она не видела, а чувствовала. Она ощутила агонию короля Рейгана, не как боль тела, а как разрыв в самой ткани реальности, когда его воля столкнулась с вышедшим из-под контроля «лекарством». Она увидела ужас и одержимость в глазах молодого Риза, наблюдающего за смертью отца, и как этот ужас заморозил его сердце, превратив в лёд, жаждущий контроля над всем.

Она увидела множество очагов «болезни» магии – не просто места, где её стало меньше, а разрывы, шрамы, где её течение было искажено и извращено, как раковая опухоль на здоровой ткани.

И тогда она увидела его. Своего отца. Не в их хижине в Гордиче, а здесь, в этих пещерах, склонившегося над чертежами рядом с Элианом. Он был не магом, но мудрым человеком, понимавшим природу вещей. Он помогал архимагу, видя в нём не учёного-безумца, а последнюю надежду мира.

И последняя, самая главная истина обрушилась на неё, перестраивая всё её мировоззрение.

Нет плохой магии, есть неправильное её использование.

Магия – это не оружие, не щит, не что-то данное богами избранным. Магия – это ветер жизни. Это сама суть мира. Его кровь, текущая по жилам земли, по стеблям трав и по нервным узлам живых существ. И если она иссякнет, мир умрёт, как умирает всё живое, у кого остановилось сердце.

А Кристаллы Поглощения... они были не просто орудиями тирана. Они были как тромбы в кровеносной системе мира. Сгустки мёртвой, вывернутой наизнанку магии, блокирующие её здоровое течение. И самое ужасное – она узнала, как их добывали. Путём долгих, мучительных операций над сильными магами, вытягивая из них саму душу магии и кристаллизуя её в эти чудовищные артефакты.

Видение закончилось так же внезапно, как и началось. Миатери стояла на коленях, её щёки были мокрыми от слёз, которые сами стекали по её щекам. Грудь вздымалась, переполненная знанием, слишком огромным для одного человека.

Она подняла голову. Кристалл «Око Бездны» теперь лежал в её ладони, его свечение было ровным и спокойным. Он не давал ей силы разрушать. Он давал ей знание. И ответственность.

Она поднялась на ноги, её лицо стало твёрдым. Она знала, что делать дальше. В её сознании, как будто помеченное самой судьбой, всплыло знание, оставленное ей видением. Следующий Кристалл, один из самых больших «тромбов», находился в Катакомбах под главным городом королевства. Там, прямо под носом у Риза.

Она повернулась и взглядом отдала команду голему. Исполнин шагнул в след за ней, его зелёные огни послушно отражали её решимость. Она вышла из пещеры, но теперь она была не охотницей за силой. Она была целителем, и её пациентом был весь мир. А её скальпелем – древнее знание и воля, закалённая в огне испытаний.

Древний страж беззвучно следовал за ней, его каменные ступни мягко касались земли, словно он и не весил несколько тонн. Они шли через лес, и теперь даже могучие деревья казались хрупкими рядом с этим исполином, чьё тело хранило знания погибшей эпохи.

Путь назад занял меньше времени. Магия «Ока Бездны», казалось, очищала пространство вокруг них, и твари, что прятались в чаще, в страхе разбежались, чувствуя исходящую от пары ауру – не ярости, а неумолимой, безмятежной силы.

Когда они приблизились к лагерю, на стенах снова поднялась тревога. Но на этот раз не было ни паники, ни случайных выстрелов. Стоящий на дозоре Дорхан лишь прищурился, увидев знакомую фигуру Миатери и невероятного каменного исполина за её спиной. Он поднял руку, сдерживая готовых обороняться стражников.

– Открыть ворота! – прорычал он, и в его голосе слышалось нечто среднее между изумлением и гордостью.

Миатери вошла в лагерь, и замерла на мгновение, давая всем оценить её нового спутника. Люди выходили из палаток, их лица застывали в смеси страха и благоговения. Они смотрели на голема, а затем на неё, и в их глазах читался один и тот же вопрос: «Во что мы ввязались?»

Она прошла к центру лагеря, где её уже ждали Дорхан, Руна и Силия. Голем замер позади, как живая статуя, зелёный свет в его глазах мягко пульсировал.

– Я нашла не оружие – тихо сказала она, обращаясь ко всем собравшимся, но глядя на Дорхана. – Я нашла истину. И доказательство того, что Риз не просто тиран. Он – болезнь, убивающая мир. И мы – не мятежники. Мы – лекари.

Она повернулась к людям, подняв голову. Её голос зазвучал громче, наполненный новой, обретённой в глубинах пещер силой – силой знания.

– Наш путь лежит в сердце королевства. В Катакомбы города. Мы вырвем один из корней этого зла. Готовьтесь. Война начинается по-настоящему.

Она не стала ждать ответа. Она сделала шаг в сторону своей палатки, и голем, как тень, последовал за ней, чтобы занять место нового, самого надёжного стража их лагеря.

Дорхан смотрел ей вслед, а затем обвёл взглядом лица людей – бывших разбойников, выживших из Гордича, старых и малых. И он увидел в их глазах уже не страх, а нечто иное – решимость. Они шли не просто за сильной колдуньей. Они шли за тем, кто видел самую душу мира и решил её спасти. И с каменным исполином у них за спиной, это вдруг перестало казаться безумием.

Позже, вечером, когда лагерь погрузился в сон, а единственным светом были луна и тлеющие угли костров, Миатери сидела в своей палатке. Перед ней на грубом столе был разложен лист пергамента, на котором она с невероятной точностью выводила контуры карты. Но это была не карта дорог или городов. Это была карта жизни самого Элариона. Она отмечала на ней места, где магия была больна – бледные, едва пульсирующие точки, и те, что были поражены чумой Кристаллов Поглощения – чёрные, мёртвые пятна, похожие на струпы.

В палатку вошёл Дорхан. Он молча постоял у входа, наблюдая, как её рука выводит причудливые, тревожные узоры. Его взгляд скользнул на неподвижную фигуру голема, стоявшего снаружи, как часть ночного пейзажа.

– Он... живой? – наконец спросил Дорхан, кивком указывая на исполина. В его голосе не было страха, лишь усталое любопытство человека, который видел уже слишком много, чтобы чему-то удивляться.

Миатери не подняла сразу глаз, заканчивая штрих.

– Нет. Не живой. Но и не мёртвый. Он – инструмент. Сложный и совершенный, как часы. Он выполняет команды.

– Какие команды? – Дорхан сделал шаг ближе, разглядывая карту. Он узнавал очертания королевства, но болезненные отметины заставляли его хмуриться.

– Пока что – защищать. Стоять на страже. – Она наконец отложила перо и посмотрела на него. В свете единственной лампы её лицо казалось осунувшимся, но глаза горели твёрдым, почти неземным светом.

– Элиан Мелнар создал его не для войны, Дорхан. Он создавал его как часть чего-то большего. Системы, которая должна была исцелить мир.

Она ткнула пальцем в одно из чёрных пятен на карте.

– А Риз превратил наследие отца в орудие пыток. Каждый из этих «тромбов» был когда-то живым магом.

Дорхан медленно выдохнул, проводя рукой по лицу. Вес этого знания был почти осязаем.

– Значит, мы идём не свергать короля. Мы идём... на операцию.

– Да – тихо согласилась Миатери. – И Катакомбы под столицей – самая большая опухоль. Вырезать её будет больно и смертельно опасно.

Она посмотрела на голема, силуэт которого виднелся через полог палатки.

– Он – наш скальпель. И наша защита. Он не чувствует страха. Не знает сомнений. И его нельзя подкупить или запугать.

Дорхан кивнул, его военный ум уже оценивал тактические преимущества.

– Хорошо. Значит, так и будем действовать. Как хирурги, а не как мясники. – Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился.

– Спи, Миа. Даже скальпелю нужно точить лезвие. А ты сегодня совершила путешествие, которое сломало бы любого.

Когда он вышел, Миатери снова посмотрела на карту, а затем на неподвижного стража за стеной палатки. Она была не просто их лидером. Она была диагностом в мире, охваченном чумой. И её следующий шаг вёл прямоком в эпицентр заразы.

Утром, выспавшись – впервые за долгое время по-настоящему глубоким, восстанавливающим сном, – Миа вышла из палатки. Воздух был свежим, а лагерь уже бурлил жизнью, но эта жизнь замерла на секунду, когда её заметили.

Пока она шла к складу, чтобы проверить припасы, она чувствовала на себе десятки взглядов. Они были разными. Бывшие разбойники смотрели с опаской и скрытой злобой, помня сломанного громилу. Выжившие из Гордича – с благодарностью, смешанной с почти религиозным трепетом, ведь она не только спасла их, но и привела с собой каменного исполина. Некоторые новые лица, те, кому было просто плевать на всё кроме своей шкуры, косясь на голема, просто старались не попадаться ей на глаза. А Дорхан, проверявший строящихся у ворот стражников, кинул на неё короткий, оценивающий взгляд – в нём читалось привычное доверие, но и осознание той пропасти, что пролегла между ними после её возвращения из пещер.

Она принимала все эти взгляды, не останавливаясь и не отвечая на них. Её лицо было спокойным, почти отстранённым. Маска лидера, которую она теперь носила стала легче, но всё равно давила на плечи.

Проверив запасы, она направилась в лазарет Силии. Внутри пахло травами и дымом, здесь было тихо, если не считать тихих стонов раненых. Силия, стоя спиной, перевязывала руку одному из своих пациентов – тому самому громиле. Его огромное тело казалось беспомощным на узкой койке.

Услышав шаги, Силия обернулась. Её взгляд, всегда такой тёплый и мудрый, на сей раз был серьёзен и пронизателен. Она что-то поняла, глядя на Миатери.

– Он поправляется – тихо сказала Силия, больше глядя на Миатери, чем на своего пациента. – Кости срастаются. Твоя... печать... не дала развиваться заражению.

Миатери кивнула, её взгляд скользнул по почерневшей, но целой руке великана. Он смотрел на неё из-под нахмуренных бровей, но в его глазах уже не было слепой ярости, лишь смутное понимание собственной уязвимости и силы той, что его сломала.

– Я не прошу прощения – так же тихо сказала Миатери, обращаясь больше к Силе, чем к нему. – Это был необходимый урок. Для него. И для всех.

– Я знаю, дитя – ответила Силия, и в её голосе снова появилась та материнская нота, которую Миатери почти забыла. – Но не забывай смотреть не только на карты и на врагов. Смотри на людей. Даже на таких, как он. Мы все – часть этого мира, который ты пытаешься спасти. И его кровь... она течёт и в нас.

Эти слова, эхо её собственного прозрения в пещере, задели в Миатери что-то глубокое. Она кивнула, не в силах говорить, и вышла из лазарета. Её путь вёл к войне, к Катакомбам, к самому сердцу тьмы. Но Силия напомнила ей, что сражается она не против абстрактного зла, а за каждую отдельную, хрупкую и несовершенную жизнь в этом лагере. И это бремя было самым тяжёлым из всех.

Чуть постояв в дверном проёме, Миа вернулась к Силе. Воздух в лазарете сгустился, и даже громила замер, чувствуя изменение в атмосфере.

– Дай взглянуть на твою руку, Силия – попросила Миатери. Её голос был тихим, но в нём не было прежней неуверенности или показной суровости.

Силия на мгновение заколебалась, её взгляд скользнул по лицам других пациентов. Затем, медленно, почти ритуально, она сняла перчатку и закатала рукав, обнажая чёрную, запечатанную руку. Кожа на ней была гладкой и мёртвой, как обсидиан, безжизненной и холодной.

Миатери не стала искать заклинание в гримуаре. Она не стала готовить сложный ритуал. Она просто взяла руку Силии в свои ладони. Её пальцы сомкнулись вокруг почерневшей плоти, и она закрыла глаза.

На этот раз это была не тёмная магия, не переписывание реальности. Это было... воспоминание. Она увидела тепло очага в доме Силии, запах её целебных отваров, доброту в её глазах, когда та ухаживала за ранеными. Она вспомнила живительную силу леса, чистый поток магии, который был её сутью до всех искажений.

И она обратилась к этому потоку. Не как к оружию, а как к лекарству.

Под её пальцами чёрный цвет начал таять, как лёд под утренним солнцем. Он не сходил ключьями, а медленно отступал, уступая место здоровому, розовому цвету живой кожи. Ощущение холода и онемения сменилось теплом. Сухожилия и мышцы, скованные магическим «шрамом», вновь обрели гибкость.

Это происходило на глазах у Громилы. Он лежал, не двигаясь, его широко раскрытые глаза были прикованы к руке. Он видел, как уродливое последствие силы, сломавшей его, теперь растворяется под прикосновением той же самой девушки, но действующей иначе. Это было тихое, невозмутимое чудо.

Через несколько мгновений рука Силии была полностью восстановлена. Ни шрама, ни пятна. Она была такой же, как и прежде.

Миатери открыла глаза и отпустила её руку. Она была бледной, на лбу выступили капельки пота – исцеление потребовало куда больше душевных сил, чем разрушение.

Силия с изумлением смотрела на свою здоровую ладонь, сгибая и разгибая пальцы.

– Спасибо, дитя – прошептала она, и её глаза блестели. – По-настоящему.

Миатери кивнула и повернулась, чтобы уйти. Её взгляд на секунду встретился со взглядом Громилы. В его глазах уже не было ненависти. Был вопрос. И, возможно, крошечная искра чего-то, что можно было бы назвать уважением.

Выйдя из палатки, Миатери почувствовала, как с её души упала гиря. Она искупила одну из своих ошибок. И этот маленький акт милосердия в лазарете придал ей больше сил для грядущей битвы, чем любое заклинание из гримуара Элиана.

После лазарета, с облегчённой душой, Миатери направилась к центру лагеря, где Гром, её новый старший, с грузной эффективностью обходил постры, проверяя запасы дров и раздавая поручения. Увидев её, он выпрямился, его поза была уважительной, но без раболепия.

– Гром. Как обстоят дела? – спросила она, останавливаясь рядом. Её голос был ровным, деловым.

– Госпожа – кивнул он. – Люди из Гордича обустроиваются. Не все довольны, что делят кров с бывшими разбойниками, но пока тихо. Припасов, с учётом новых ртов, дней на десять. Воды – в достатке.

Он указал толстым пальцем в сторону тренировочной площадки, где Дорхан с парой своих помощников гонял смешанную группу новобранцев, отрабатывая базовые стойки с деревянными мечами.

– Стальной Старец не щадит ни своих, ни чужих. Это хорошо. Зелёные ветки гнутся, но не ломаются.

Затем его взгляд стал серьёзнее.

– Есть и проблемы. Шепчутся. Боятся не столько королевских патрулей, сколько... его. – Гром почти незаметно мотнул головой в сторону голема, неподвижно стоящего на страже у её палатки. – Для них это как знак, что ты везешь за собой не людей, а нечто... иное. И их место в этом «ином» им неясно.»

Миатери внимательно слушала, её взгляд скользнул по лицам людей, трудившихся неподалёку. Она видела украдкой брошенные взгляды, полные не столько страха, сколько неуверенности.

– Они не должны его понимать – тихо ответила она, поворачиваясь к Грому. – Они должны понимать, что он защищает их дома. Те, что у них были, и те, что мы построим.

Она сделала шаг вперёд, чтобы её могли слышать ближайшие люди.

– Скажи им, Гром, что мы идём не в поход против короля. Мы идём спасать своих. В Катакомбах под столицей томятся наши родные, наши соседи, наши друзья. Мы вытащим их из этой ямы. А он... – она кивнула на голема, – ...поможет нам выбить ворота, которые мы сами не сломаем.

Она перевела взгляд обратно на Грома, и в её глазах вспыхнула та самая решимость, что вела её через пещеры.

– Пусть боятся. Но пусть знают – мы боремся за них. А не за мою власть.

Гром молча кивнул, и в его глазах мелькнуло одобрение. Он был практиком, и слова Миатери переводили непонятную магию в понятные категории – дом, семья, спасение. Это был язык, который понимали все.

Миатери отошла, оставив Грома доносить её слова до людей. Она знала, что одного раза будет мало. Но это был начало. Теперь ей предстояло вести не просто банду, а народ, и её самой сложной задачей было не сокрушить врага, а сплотить тех, кто пошёл за ней.

Стоило хорошо подготовиться... И количество припасов её очень смущало. Мысль, тихо дремавшая в глубине сознания, теперь вырвалась на свет, холодная и неумолимая.

Людей было немного, припасов на 10 дней. Этого мало.

Она стояла и смотрела на лагерь. На этих людей – бывших разбойников, испуганных крестьян, горстку старых воинов. Они были готовы сражаться за неё, верили в неё. Но вера не остановит закалённую сталь королевской гвардии.

Нужно собрать армию, а не кучку людей. Так ничего не получится.

Мысленный взор перенёс её к стенам столицы, к стройным рядам солдат в сияющих доспехах, к коннице, от тяжёлого топота которой дрожала земля, к магам, пусть и служащим тирану, но обученным и дисциплинированным.

У Риза многотысячная армия, стража, кавалерия и многое другое. Надеяться на голема – верный путь к поражению.

Один голем, даже такой могущественный, – это не армия. Это осадное орудие, козырь, но не фундамент победы. Его можно окружить, измотать, найти противодействие. Риз не станет сражаться с ним честно; он утопит его в крови её последователей.

Она развернулась и быстрыми шагами направилась к своей палатке, отбрасывая восхищённые и испуганные взгляды. Её ум лихорадочно работал.

Гордич... и другие деревни. Их же разоряли, их люди страдали. В них тлеет ненависть к Ризу. Это сухие ветры, готовые вспыхнуть от одной искры. Нужно стать этой искрой. Не сидеть в лагере, а идти по земле, находить таких же, как она, – тех, кому нечего терять. Объединять разрозненные очаги сопротивления.

И припасы... Нужны союзники не только среди людей. Нужны торговцы, контрабандисты, те, кто может наладить снабжение. Нужно оружие, доспехи.

Она вошла в палатку и снова разложила свою карту. Но теперь она смотрела на неё не как целитель, а как полководец. Она искала не больные точки, а точки опоры. Ущелья, где можно устроить засаду. Заброшенные форты, которые можно занять. Деревни, где можно найти рекрутов.

Она поняла самую главную истину войны: магия и даже древние артефакты выигрывают битвы, но не войны. Войны выигрывают логистика, разведка, пропаганда и железная дисциплина.

Она подняла голову, и её глаза встретились с взглядом Дорхана, стоявшего в дверях. По его лицу она поняла – он думал о том же.

– Десять дней – это не срок для похода на столицу – тихо сказала она. – Это срок, чтобы найти союзников.

Дорхан молча кивнул. В его глазах читалось мрачное удовлетворение. Его ученица наконец-то увидела всю доску, а не одну фигуру на ней.

– С чего начнём, госпожа? – спросил он, и в его голосе впервые прозвучало не просто уважение к её силе, а готовность следовать за её стратегией.

Путь к трону Риза оказался длиннее и извилистее, чем она думала. Но теперь она знала, по какой дороге идти.

– Нужно найти людей и припасы... Вам нужно заняться этим – сказала Миатери, её взгляд был прикован к карте, но слова были обращены к Дорхану. – Обьезжайте окрестные деревни. Те, что ещё не полностью разорены. Говорите с людьми. Не обещайте им магию или чудеса. Обещайте им землю, которую они смогут обрабатывать без поборов короля. Обещайте им безопасность для их детей. Найдите контрабандистов – предложите им золото или защиту их маршрутов.

Она наконец подняла на него глаза, и в них горела та же холодная решимость, что и в пещере.

– Я же пойду искать новые артефакты. Знания из пещеры Мелнара – лишь часть головоломки. Другие «Очи» или подобные им инструменты могут дать нам то, чего не дадут тысячи мечей – преимущество, которое переломит ход битвы.

Дорхан молча слушал, его лицо было невозмутимым, но в глубине глаз плескалась тревога. Он понимал стратегический смысл. Сила ведьмы, сокрушившего отряд разбойников и захватившую голема, была очевидна. Но отпустить её одну в неизвестность...

– Один голем – не армия, это ты поняла верно – сказал он, переходя на «ты» в уединении палатки. – Но ты одна – не целый орден магов. Каждое такое место будет охраняться ловушками похуже тех, что были в пещерах. Или чего хуже – оно уже будет занято слугами Риза.

– Я знаю риски – парировала она. – Но это самый быстрый путь. Пока ты будешь месяцами собирать ополчение, Риз вырежет ещё десяток деревень. Его сила растёт, а наша... наша пока что – это лишь надежда. Я должна превратить эту надежду в оружие. И я не буду одна.

Она вынула из сумки несколько камней-маяков и протянула ему один.

– Возьми. Если лагерю будет грозить опасность, сожми его и подумай о этом месте. Я вернусь. И ты будешь держать связь с Громом через других. Мы не можем позволить себе потерять друг друга из виду.

Она смотрела на него, и в её взгляде была не просьба, а твёрдая воля, подкреплённая знанием своей правоты.

– Ты – моя правая рука, Дорхан. Ты строишь нам армию. А я... я найду для этой армии сердце и душу. То, что заставит её сражаться не из страха, а из веры.

Дорхан взял камень. Он был тёплым и слегка вибрировал. Он понимал, что не переубедит её. Её путь был путём мага – путём поиска скрытых истин и силы. Его путь был путём солдата – путём организации, дисциплины и стальной воли.

– Не задерживайся – хрипло сказал он. – И если попадёшь в беду...

– ...я знаю, куда бежать – закончила она за него, и в её глазах на мгновение мелькнула тень улыбки.

Разделение было неизбежно. Она уходила в тень легенд и забытых руин в поисках силы, способной изменить мир. Он оставался в мире людей, чтобы построить армию, достойную этой силы. Их дороги разошлись, но вели к одной цели.

Вечером, когда Миатери готовилась к уходу, проверяя свои сумки, в палатку ворвалась запыхавшаяся Руна. Её глаза были круглыми от волнения.

– Миатери! Я слышала... слухи... – она перевела дух, оглядываясь, как бы кто не подслушал. – По лагерю шепчутся. Громила, тот, которого ты... того... он не просто бандит. Он... он сын Грома.

Слова повисли в воздухе, густые и тяжёлые, как свинец. Миатери замерла с полузастёгнутой сумкой в руках. В её памяти всплыло лицо Грома – старого, покрытого шрамами воина, смотрящего на неё с уважением, но без страха. И лицо его сына – искажённое болью и яростью, когда она хруст костей эхом отдавался в тишине леса.

Сын Грома.

Внезапно всё обрело новый, ужасающий смысл. Сдержанность Грома. Его эффективность. Его готовность служить. Это была не просто лояльность сильнейшему. Это была стратегия выживания отца, чей сын лежал в лазарете, сломанный их новой предводительницей.

Она сломала не просто буйного бандита. Она сломала наследника, плоть и кровь человека, от которого теперь зависела дисциплина в лагере. И этот человек всё это время служил ей, глядя в глаза, зная, что она сделала с его мальчиком.

Холодная волна прокатилась по её спине. Это была не магическая угроза, с которой можно было сразиться заклинанием. Это была мина, заложенная под фундамент её власти.

– Ты уверена? – тихо спросила Миатери, её голос был чуть хриплым.

Руна кивнула, её лицо было бледным. – Да. Один из старых разбойников проболтался. Гром никому не рассказывал... наверное, чтобы не выглядеть слабым.

Миатери медленно выдохнула. Она смотрела на полог палатки, за которым угадывался силуэт голема. У неё была сила, чтобы уничтожить целый отряд. Но как исцелить такую рану? Как восстановить доверие, подорванное таким жестоким образом?

Её уход в поисках артефактов теперь казался не стратегической необходимостью, а бегством. Бегством от последствий своих действий.

Она повернулась к Руне.

– Спасибо, что сказала мне. Никому больше не рассказывай об этом.

Когда Руна ушла, Миатери осталась одна в тишине палатки. Ей предстояло принять решение. Игнорировать это? Или попытаться исправить? Но как? Словами? Новым исцелением? Или этот шрам был слишком глубоким для любого заклинания?

Её путь к артефактам внезапно показался куда более простым, чем путь к сердцу старого воина, чьего сына она искалечила.

Мысль о сыне Грома не давала ей покоя. Это была не просто рана на теле лагеря, это была бомба с тикающим механизмом. И Миатери, всё больше думающая как правитель, а не как мститель, поняла: оставлять её без внимания – смерти подобно.

Все же Миа решила исцелить Громилу. Разум подсказывал холодный расчёт: он действительно был большим и мог бы хорошо поспособствовать в грядущей войне. Его физическая мощь, помноженная на верность, купленную исцелением, была бы бесценным активом. Но в глубине души шевелилось и нечто иное – тягостное чувство вины, которое она сама себе не решалась признать.

Среди ночи, когда лагерь погрузился в самый глубокий сон, она разбудила Силию и Грома. Старый воин вышел из своей палатки с заспанным, но настороженным лицом. Увидев Миатери, его взгляд стал острым, как лезвие.

– Что случилось? – глухо спросил он.

– Идём – коротко бросила она и повела их в лазарет.

Внутри, при свете единственной свечи, лежал его сын. Гром стоял у изголовья, его могучее тело было напряжено, а взгляд, прикованный к Миатери, был полон немого вопроса и скрытой боли.

Ничего не объясняя, Миатери снова приступила к работе. На этот раз её магия была быстрее и увереннее. Она уже знала путь, знала, как заставить плоть вспомнить её здоровое состояние. Под её руками кости вставали на место, мышцы срастались, а синяки таяли, как утренний туман. Руки Силии, прикрывали рот здоровяка ветошью, чтоб крики от боли не разбудили весь лагерь. Через несколько минут Громила лежал на койке целый и невредимый, его грудь поднималась ровно и спокойно, впервые за долгие дни.

Гром смотрел на сына, и его каменное лицо дрогнуло. В его глазах блеснула влага, которую он тут же сурово смахнул. Он кивнул Миатери, и в этом кивке было больше, чем слова: благодарность, облегчение и... признание.

И в этот момент, когда его защита была ослаблена облегчением, Миатери нанесла свой второй, невидимый удар.

Её пальцы едва заметно дёрнулись, и беззвучное заклинание, вычитанное на самых тёмных страницах гримуара, устремилось к спящему Громиле. Это не было грубым контролем разума. Это было тоньше, коварнее. Проклятие покорности. Оно не лишало его воли, не делало рабом. Оно закладывало в самую глубину его души непреодолимый барьер, не позволяющий поднять руку на Миатери. Он мог бы злиться, ненавидеть её, но его тело, его инстинкты, отказались бы повиноваться, если бы он попытался нанести ей вред. Это была страховка. Гарантия.

Она встретила взглядом с Громом, который ничего не заметил, и с Силией. Взгляд травницы был пристальным и печальным. Она, чувствовавшая магию иначе, возможно, уловила лёгкий, неприятный отзвук тёмного заклинания.

– Он будет как новенький – тихо сказала Миатери, разрывая зрительный контакт. – Можете возвращаться к себе.

Она вышла первой, оставив отца наедине с исцелённым сыном. На улице она остановилась, прислонившись лбом к прохладной деревянной стене лазарета. Она сделала это. Она укрепила свою власть, обезвредила угрозу и приобрела могучего воина. Но внутри оставался горький привкус. Она не просто исцелила. Она сковала. И с каждым таким «практичным» решением часть той девушки из Гордича, что клялась спасти мир, отступала, уступая место холодной, расчётливой правительнице, которая была готова на всё, чтобы достичь свою цель.

Она снова убедилась, что магия – это инструмент. И этот инструмент можно было использовать как на исцеление, так и на порабощение. И грань между ними становилась всё тоньше.

Выйдя из лазарета, Миатери не сразу ушла. Она стояла в тени, дожидаясь, когда Силия закончит и выйдет. Воздух был холодным, а внутри у Миатери было ещё холоднее.

Когда Силия появилась на пороге, закутываясь в платок, Миатери мягко окликнула её.

– Силия. Мне нужно поговорить с тобой. Наедине.

Они отошли подальше, к краю лагеря, где лишь голем стоял безмолвным стражем. Лунный свет выхватывал из тьмы их лица – одно напряжённое и закрытое, другое – усталое и понимающее.

– Ты что-то почувствовала, да? – не став ходить вокруг да около, спросила Миатери. Её голос был тихим, но в нём не было и тени сомнения.

Силия вздохнула, её дыхание превратилось в маленькое облачко пара.

– Магия... она оставляет след. Особенно такая. Тяжёлый, липкий. Как запах гниющего тела. Да, я почувствовала.

Она посмотрела прямо на Миатери, и в её глазах не было осуждения, лишь глубокая, бездонная печаль.

– Зачем, дитя? Он был исцелён. Гром был бы предан тебе до конца за одно это.

– Верность, купленная благодарностью, ненадёжна – отрезала Миатери, и её слова прозвучали как заученный урок, возможно, урок Дорхана или суровый вывод из её собственного

опыта. – Она может иссякнуть. А страх... или гарантия... нет. Я не могу позволить себе слабости. Не сейчас. Не когда на кону всё.

Она сделала шаг вперёд, и её глаза в лунном свете казались совсем бледными.

– Я прошу тебя... не рассказывай о проклятии. Никому. Ни Грому, ни Дорхану. Пусть это останется между нами.

Силия долго смотрела на неё, и казалось, она видит не могущественную волшебницу, а испуганную девочку, пытающуюся казаться сильной.

– Ты играешь с огнём, Миатери. Такая магия... она меняет не только того, на кого направлена. Она меняет тебя саму. Ты начинаешь видеть в людях не души, а инструменты, которые нужно обезопасить.

– Я делаю то, что должно быть сделано! – в голосе Миатери впервые прозвучали нотки отчаяния, тут же подавленные железной волей.

– Я знаю – тихо ответила Силия. – Я сохраню твой секрет. Не ради тебя как правительницы. А ради тебя как человека, который когда-нибудь, я надеюсь, вспомнит, что исцеление должно приходить от доверия, а не от страха.

Она повернулась и ушла, оставив Миатери наедине с её мыслями и безмолвным каменным исполином. Просьба была выполнена. Секрет был в безопасности. Но слова Силии повисли в ночном воздухе, как проклятие куда более тяжёлое, чем то, что она наложила на Громилу. Она добилась покорности, но заплатила за это крошечной частицей своей собственной души.

Утром Миатери вышла из палатки, готовая к своему путешествию. Воздух был свеж, но атмосфера в лагере – густой и тяжёлой.

И её встретил он. Громила. Целый и невредимый, его исполинская фигура заслонила утреннее солнце. Он стоял не один – в окружении своих бывших подопечных, тех самых разбойников, что смотрели на неё со смесью страха и ненависти. Но теперь в их глазах читалось нечто иное – замешательство и жгучее любопытство.

Лагерь замер. Дорхан, стоявший у тренировочной площадки, положил руку на эфес меча. Гром, наблюдавший с другого конца, напрягся, его тело стало похоже на сжатую пружину.

Громила сделал шаг вперёд. Его движения были плавными, без намёка на недавние травмы. Он остановился в двух шагах от Миатери, его взгляд был тяжёлым и нечитаемым.

– Ты... исцелила меня – его голос был низким, как отдалённый шторм. В нём не было прежней ярости.

Миатери стояла неподвижно, её лицо было спокойной маской. Внутри всё сжалось в комок, готовое в любой момент выпустить магию. Она чувствовала незримые пути проклятия, готовые сработать.

– Я сделала то, что было необходимо – ровно ответила она. – Тогда... и сейчас.

Он медленно кивнул, его взгляд скользнул по её лицу, будто пытаясь разгадать загадку.

– Они говорили... что ты ведьма. Что ты сломаешь и убьёшь всех. – Он окинул взглядом своих товарищей, а затем снова посмотрел на неё. —Но ты... починила.

Он сделал нечто неожиданное. Медленно, давая ей время отреагировать, он опустился на одно колено. Его огромная голова склонилась.

– Моё имя – Борг. Моя сила... теперь твоя.

Это была не покорность раба. Это был выбор воина, признающего своего командира. Проклятие молчало, не активированное. Он сделал этот выбор сам.

За ним, один за другим, опустились на колени и его люди. Не из-за страха перед её магией, а следуя за своим лидером.

Миатери почувствовала, как камень свалился с души, но на его месте возник другой – камень стыда. Он преклонил колени перед ней по своей воле, а она заковала его волю в незримые цепи. Она добилась верности, но это была пиррова победа.

Она кивнула, не в силах вымолвить слова, и прошла мимо, направляясь к воротам лагеря. Ей нужно было уйти. Уйти от этих глаз, смотревших на неё с преданностью, которой она сама не доверяла. Её путь лежал к древним артефактам, но теперь она понимала, что самая сложная битва происходила не с врагами, а с демонами внутри неё самой.

Выходя из лагеря, Миатери уже почти достигла линии деревьев, как услышала за собой быстрые шаги. Она обернулась и увидела Руну, которая подбежала к ней, её лицо было раскрасневшимся от волнения и обиды.

– Миатери! Возьми меня с собой! – выпалила девушка, едва переводя дух.

Миатери остановилась, её сумка с припасами и гримуаром внезапно показалась ей неподъёмно тяжёлой.

– Руна, нет. Слишком опасно.

– Мне уже шестнадцать! – парировала Руна, подбоченясь. В её глазах горел огонь, так похожий на тот, что когда-то горел в глазах самой Миатери. – Я взрослая! Почему мне нельзя? Я могу помочь! Я знаю травы, я быстрая, я уже умею немного сражаться! Дорхан учил!

Миатери смотрела на неё, и сердце её сжалось. Она видела в Руне себя – ту самую, что ушла из родного дома с одной лишь яростью в сердце и смутной надеждой. Она видела ту невинность, которую сама уже потеряла где-то среди страниц тёмного гримуара и каменных залов забытых пещер.

– Именно потому, что ты взрослая, ты должна понимать – сказала Миатери, и её голос прозвучал мягче, чем она планировала. – То, куда я иду... это не приключение. Там нет места ошибкам. Одна моя оплошность – и мы обе можем погибнуть. А твоя мать... – Она кивнула в сторону лагеря. – Она уже потеряла мужа. Она не должна потерять и дочь.

– Но ты идёшь одна! – в голосе Руны послышались слёзы. – А если с тобой что-то случится? Кто придёт тебе на помощь? Я могу быть твоими глазами и ушами!

Миатери положила руку на плечо девушки.

– Ты мне нужна здесь, Руна. Твои глаза и уши здесь ценнее. Ты видишь и слышишь то, чего не замечаю я или Дорхан. Ты – связь с людьми. Если что-то пойдёт не так в лагере... я доверяю тебе сказать мне правду.

Она посмотрела Руне прямо в глаза, вкладывая в свой взгляд всю серьёзность момента.

– Это не отказ. Это другое задание. Более важное. Охранять наш дом, пока меня нет.

Руна смотрела на неё, и гнев в её глазах понемногу угасал, сменяясь пониманием и грузом новой ответственности. Она кивнула, сглотнув комок в горле.

– Обещай, что вернёшься – прошептала она.

– Я сделаю всё возможное – ответила Миатери. Это было самое честное, что она могла сказать.

Развернувшись, она шагнула в лес, оставляя позади девочку, которая так хотела стать взрослой, и лагерь, который стал её первым настоящим домом и её самым тяжёлым бременем. Она шла навстречу опасности, но в этот раз мысль о том, что позади есть кто-то, кто ждёт её возвращения, согревала душу сильнее любого магического пламени.

Идя по лесу, Миа, уже по привычке, игралась с магией. Её разум, свободный от необходимости казаться грозной предводительницей, блуждал среди теорий и практик, почерпнутых из гримуара. После мощи древнего каменного стража её потянуло на что-то меньшее, более податливое. Что-то, что не напоминало бы ей о тех выборах, что она совершила.

Она шла, и её пальцы, почти без участия сознания, водили по воздуху, сплетая невидимые нити воли. Она не призывала огонь или ветер. Она обратилась к земле под ногами – к влажной, податливой лесной почве.

Сначала один комочек грязи оторвался от земли, затем другой. Они кружились в воздухе, слипались, принимая грубые, человекоподобные формы. Руки-пни, ноги-колоды, и вместо головы – гладкий, безликий камень. Она вдохнула в них крошечную искорку магии, не разума, а простого инстинкта – следовать, охранять.

Вскоре вокруг неё, перебирая короткими ножками, бежала дюжина маленьких грязевых големов. Они были не выше её колена, неуклюжие и забавные. Когда одна белка, испуганно чирикавая, удирала по ветке, два голема тут же тыкались в ствол дерева, пытаясь за ней последовать. Другой споткнулся о корень и рассыпался в бесформенную кучу, но через мгновение снова собрался, уже без руки, и побежал дальше.

Уголок губ Миатери дрогнул в лёгкой, почти забытой улыбке. Это было... мило. В этом не было ни тени тёмной магии, ни сложных расчётов, только чистая, почти детская радость творения. Они были её маленькой, ни на что не претендующей армией.

Один из големов, отстав, подкатил к её ногам выпавший по дороге красный гриб-мухомор и замер в ожидании. Она наклонилась, взяла гриб и бросила его в сторону. Големы весело повалили за ним, толкаясь и рассыпаясь.

На несколько мгновений она позволила себе просто быть – не лидером, не орудием мести, а просто девушкой в лесу, экспериментирующей с удивительной силой. Это был короткий, драгоценный мир покоя перед бурей, что ждала её впереди. И эти маленькие, грязевые спутники были напоминанием, что магия – это не только разрушение и контроль. Это тоже часть жизни леса, часть её самой.

Углубляясь в лес, Миа продолжала играть с маленькими големами, её сознание было ослаблено и погружено в приятное, почти медитативное состояние творения. Она направляла их, заставляя строить незамысловатые башенки из шишек или гоняться за солнечными зайчиками. Они послушно отражали её настроение – беззаботное и любопытное.

Она не заметила, как тени между древними стволами стали гуще и осмысленнее. Не обратила внимания на то, что птицы в этой части леса замолкли. Она была слишком увлечена своим маленьким, грязевым царством.

А за ней следили.

Не грубыми глазами гоблинов или орков. Это было нечто иное. Бестелесное, почти неосязаемое. Тени, которые были чуть темнее других, плавно перетекали с дерева на дерево, синхронно с её движением. В воздухе висело лёгкое, едва уловимое напряжение, словно сама природа затаила дыхание.

Один из грязевых големов, тащивший за собой палку, вдруг остановился. Его безликая «голова» повернулась в сторону сгустившейся тени под многовековым дубом. Он издал тихое булькающее урчание – первый звук, который эти создания издали с момента своего рождения.

Миатери, наконец, оторвалась от своих мыслей. Она посмотрела на голема, затем в ту сторону, куда он смотрел. Сначала она ничего не увидела. Просто лес. Но потом... движение. Не ветка колыхнулась, а сама тень отделилась от ствола, приняв на мгновение чёткую, человекоподобную форму, прежде чем снова раствориться в полумраке.

Она замерла. Все её маленькие големы разом остановились и выстроились перед ней, образуя нелепый, но трогательный живой барьер.

Тишина стала звенящей.

– Кто здесь? – её голос прозвучал громче, чем она ожидала, нарушая застывшее спокойствие леса.

В ответ из чащи донёсся шёпот, похожий на шелест сухих листьев. Он исходил не из одной точки, а сразу отовсюду.

«Пламя... которое не жжётся... Мать глины и камня... Мы чувствовали твой шаг...»

Из теней выплыли фигуры. Высокие, худые, почти прозрачные на фоне деревьев. Их тела казались сплетёнными из коры, мха и туманного света. Их глаза, как у старых сов, горели спокойным, древним знанием. Это не были существа тёмной магии. Они пахли влажной землёй, старым лесом и тайной.

Один из них, самый высокий, сделал шаг вперёд. Его голос был мелодичным, как журчание ручья.

– Мы – стражи этих чащ. Те, кто помнит песню мира до прихода людей с их жаждущими сердцами. Ты носишь в себе и боль мира, и его надежду, дитя. Мы наблюдали.

Он указал на маленьких големов, застывших в защитных позах.

– Ты говоришь с землёй на забытом языке. Ты лепишь жизнь из праха, не требуя ничего взамен. Это... редкость.

Миатери стояла, стараясь скрыть изумление. Её магия, которую в лагере боялись, здесь, в глубине леса, была встречена не как угроза, а как диковинка. Как искусство.

– Я ищу знания— осторожно сказала она. – Силу, чтобы исцелить то, что болит.

Старейшина существ кивнул, и казалось, будто ветви деревьев склонились вместе с ним.

– Возможно, ты ищешь не там, где нужно, дитя Пламени. Сила, которую ты несешь в себе, может быть сильнее любого артефакта. Но путь к её пониманию лежит через слушание. А ты... ты пока только учишься говорить.

Он сделал шаг назад, растворяясь в тени.

«Леса помнят тебя, дочь земли. И, возможно, однажды они тебе ответят.»

С этими словами существа исчезли так же бесшумно, как и появились. Лес снова наполнился звуками. Напряжение ушло.

Миатери стояла одна, окружённая своими грязевыми големами, с новым, невероятным знанием: она была не одинока в этом мире. И её магия была частью чего-то большего, чего она ещё даже не начала по-настоящему понимать.

– А Руна боялась, что я буду одна... – тихо произнесла Миатери, и её голос прозвучал непривычно громко в наступившей после ухода лесных духов тишине. Она опустила взгляд на своих маленьких, неуклюжих спутников. Один из них тыкался безликой головой в её сапог, словно утешая.

Уголки её губ дрогнули в лёгкой, почти невесомой улыбке.

– Нужно будет ей вас показать. Она будет в восторге.

Мысль о том, чтобы поделиться этим маленьким, безобидным чудом с кем-то ещё, согрела её изнутри. Это было что-то простое и чистое, что не было связано с войной, предательством или тёмными заклинаниями.

Ободрённая этой мыслью, девушка продолжила свой путь в глубину леса. Её маленькая грязевая свита топала рядом, то отставая, чтобы исследовать интересного жука, то догоняя её короткими перебежками. Они были тихими и ненавязчивыми, но их присутствие разгоняло гнетущее чувство одиночества.

Она шла в сторону одной отметки на своей карте. Элиан Мелнар сделал её едва заметным крестиком, но снабдил пометкой на полях: «Место Силы. Аномалия. С осторожностью.» Оно находилось в самой глубине леса, в месте, куда, судя по всему, не ступала нога человека уже много веков.

Чем дальше она углублялась, тем древнее и величественнее становились деревья. Солнце едва пробивалось сквозь сомкнутые кроны, и воздух наполнялся влажным, прохладным ароматом мха и папоротника. Магия здесь чувствовалась иначе – не искажённой и больной, как в пещерах, и не подавленной, как в лагере. Она была дикой, первозданной и невероятно мощной. Она витала в воздухе, пульсировала в стволах деревьев, струилась по ручьям.

Её маленькие големы, казалось, черпали из этой силы. Их глиняные тела становились чуть плотнее, движения – увереннее. Они уже не рассыпались от каждого неловкого шага.

И вот, после нескольких часов пути, лес неожиданно расступился, открыв её взору поляну невероятной красоты. В центре её бил из-под земли кристально чистый источник, вода в котором мерцала мягким серебристым светом. Вокруг него росли цветы неземных оттенков, а воздух дрожал от сконцентрированной магической энергии.

Это было Место Силы. И оно было живо. И, судя по всему, нетронуту темной магией или деятельностью Риза. Возможно, именно здесь она найдёт не очередной артефакт, а иной ключ к пониманию той силы, что была в ней самой.

Подойдя к роднику, Миатери почувствовала, как мир поплыл у неё перед глазами. Мощь этого места была не агрессивной, но всепоглощающей, как океанская волна. Серебристый свет воды слился с солнечными лучами в ослепительное сияние. Звук леса – шелест листьев, пение птиц – отступил, сменившись нарастающим гулом в ушах. Её маленькие големы замерли на краю поляны, будто не смея пересечь невидимую границу.

Она сделала последний шаг, рука непроизвольно потянулась к мерцающей воде... и её сознание погасло.

Очнулась она уже в другом месте. Вернее, её сознание очнулось, в то время как тело, как она смутно чувствовала, осталось лежать у родника.

Она стояла в абсолютной пустоте. Под ногами не было земли, над головой – неба. Всё вокруг было пронизано переплетающимися серебристыми нитями, похожими на гигантскую, бесконечно сложную паутину. Одни нити пульсировали ровным, сильным светом, другие – тускло и прерывисто. А кое-где нити были порваны, и из разрывов сочились чёрная, вязкая субстанция, которая, казалось, пожирала сам свет.

Это не был сон. Это была проекция. Ощущение было слишком реальным, слишком ясным.

– Ты видишь её теперь... Истинную форму.

Голос прозвучал не снаружи, а внутри её самой. Он был тихим, как шепот листвы, и древним, как скалы.

И тогда она поняла. Она смотрела на магию. Не на её проявления в виде огня или силы, а на саму её ткань. На живую, дышащую систему, что связывала весь мир Элариона воедино.

– Это... кровь мира – прошептала она, и её голос прозвучал в пустоте эхом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.